

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

696

KURITEOST OSAVÕTUST О СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Õigusteaduslikke töid

Труды по правоведению

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 696 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

KURITEOST OSAVÕTUST О СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Õigusteaduslikke töid
Труды по правоведению

TARTU 1985

Редколлегия: П. Каск (председатель), В. Кельдер, А. Кирис,
Х. Линдмяэ, К. Нигола, И. Орго, Э. Салумаа,
А. Уусталь.

Ответственный редактор К. Нигола

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 696.

О СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ.

Труды по правоведению.

На эстонском и русском языках.

Реэссе на русском языке.

Тартуский государственный университет.
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

Ответственный редактор К. Нигола.

Корректоры Л. Онеприенко, Л. Яго.

Подписано к печати 21.02.1985.

МВ 01784.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 4,45.

Печатных листов 5,0.

Тираж 400.

Заказ № 1234.

Цена 65 коп.

Типография ТГУ. ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

О СОУЧАСТИИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(вопросы квалификации)

И. А. Вебане

Кафедра уголовного права и процесса

Советское уголовное право к стадиям предварительной преступной деятельности относит приготовление к преступлению и покушение на преступление. Приготовление и покушение, как правило, квалифицируются по статье, ее части и пункту Особенной части УК^х, предусматривающих оконченное преступление. Судами Эстонской ССР при квалификации приготовления к преступлению делается также ссылка на ст. 15, ч. 1, Общей части УК, а покушения — на ст. 15, ч. 2, УК. Судебная практика других союзных республик, насколько нам известно, при квалификации предварительной преступной деятельности ограничивается ссылкой на статью Общей части УК республики, предусматривающую предварительную преступную деятельность, не указывая ее части.

Практика судов Эстонской ССР более предпочтительна. Она точно соответствует уголовно-процессуальному закону (статьи 174, ч. 5, и 275, ч. 1, п. 2, УПК). При такой квалификации не возникает трудностей при ответе на вопрос, признан ли подсудимый виновным в приготовлении к преступлению или же в покушении на преступление.

Действия соучастников в преступлении также квалифицируются по статье, ее части и пункту Особенной части УК, предусматривающих оконченное преступление, причем судами Эстонской ССР в случае наличия соучастия в тесном смысле при квалификации действий организатора делается также ссылка на ст. 17, ч. 4, Общей части УК, действий подстрекателя — на ст. 17, ч. 5, УК, а действий пособника — на ст. 17, ч. 6, УК. Судебная практика других союзных республик и в данном случае ограничивается ссылкой на статью Общей части УК соответствующей

^х Здесь и в дальнейшем имеются в виду статьи УК и УПК Эстонской ССР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик, а также Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

республики, не уточняя ее части. Ошибочность такой квалификации очевидна, ибо статья Общей части УК, предусматривающая соучастие в преступлении, относится не только к соучастникам в тесном смысле, но и к исполнителю. Между тем квалификация действий соучастников в тесном смысле со ссылкой на статью Общей части УК, в которой говорится и об исполнителе, весьма неопределенна без уточнения части этой статьи, прямо относящейся к данному виду соучастника.

Комментированные издания УК ЭССР полностью солидаризуются с судебной практикой Эстонской ССР /ИЗ, комм. I6 п. "а" к ст. I7/. Судебная практика Верховного Суда Союза ССР, как об этом свидетельствуют опубликованные в "Вестнике Верховного Суда СССР" определения и постановления по конкретным делам, а также руководящие разъяснения, наоборот, придерживаются порядка, принятого при квалификации действий соучастников в тесном смысле, а также предварительной преступной деятельности, не в Эстонской ССР, а в других союзных республиках.

Гораздо большие затруднения при квалификации возникают, однако, в тех случаях, когда в совершении преступления участвовало несколько лиц, но само преступление не было доведено до конца, а было прервано на стадии предварительной преступной деятельности. Трудности обусловлены здесь тем, что в этих случаях пересекаются два уголовно-правовых института — соучастие в преступлении и стадии совершения преступления.

В этой связи возникает ряд весьма сложных, в науке советского уголовного права нередко мало разработанных вопросов. На все эти вопросы не могут быть получены удовлетворительные ответы без предварительного ответа на более общий вопрос: на всех ли стадиях совершения преступления может иметь место соучастие в преступлении?

Возможность соучастия в совершении оконченного преступления, а также в покушении на преступление, разумеется, ни у кого не вызывает сомнений. При этом квалификация действий соучастников зависит от того, было ли совершение преступления доведено до конца или же прекращено на стадии покушения. Если даже действия соучастников в тесном смысле были совершены до доведения преступления до конца, они все равно отвечают за соучастие в оконченном преступлении при наличии в действиях исполнителя состава оконченного преступления. Если же преступная деятельность исполнителя была прервана на стадии покушения на преступление, соучастники в тесном смысле

несут ответственность за участие в покушении на преступление даже тогда, когда их действия были совершены до того, как деятельность исполнителя достигла стадии покушения на преступление. В этих случаях действия соучастников квалифицируются по статье, ее части и пункту Особенной части УК, предусматривающих преступление, на совершение которого был направлен умысел. Одновременно делается ссылка на ст. 15, ч. 2, УК, а также на часть статьи Общей части УК, предусматривающей действия данного вида соучастника в тесном смысле. Например, в случае покушения на убийство без отягчающих обстоятельств подстрекатель несет ответственность по статьям 15, ч. 2; 17, ч. 5, и 100 УК, хотя подстрекательство имело место еще до того, как действия исполнителя непосредственно были направлены на совершение убийства. Это объясняется тем, что решающее значение при квалификации действий соучастников в тесном смысле имеет та стадия совершения преступления, которой достигли действия исполнителя, а более ранние стадии совершения преступления поглощаются более поздней стадией. Так, если преступление было доведено до конца, то оконченным преступлением охватываются все действия, предшествующие окончательному преступлению, все равно были ли они совершены исполнителем или соучастниками в тесном смысле, и самостоятельной квалификации эти действия не подлежат. Если же преступная деятельность была прервана на стадии покушения на преступление, то все действия, ему предшествующие, охватываются покушением и в самостоятельной квалификации не нуждаются, все равно идет ли речь о предшествующих действиях исполнителя или соучастников в тесном смысле. Исключение из этого общего правила составляют лишь те случаи, когда в предварительной преступной деятельности налицо состав самостоятельного преступления. В этих случаях наступает ответственность за совокупность преступлений.

Этими правилами не предпрешен вопрос о квалификации прекращенной на стадии приготовления предварительной преступной деятельности в случаях, когда в ней участвовало не менее двух лиц. Спрашивается, возможно ли вообще соучастие в смысле ст. 17 УК тогда, когда предварительная преступная деятельность была прекращена на стадии приготовления к преступлению?

Согласно ст. 17, ч. 1, УК, соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Согласно части второй этой же статьи, "соучастни-

ками преступления, наряду с исполнителем (разрядка наша - И. Р.), признаются организаторы, подстрекатели и пособники." Следовательно, если нет исполнителя, нет и других соучастников, а вопрос о возможности соучастия тогда, когда совершение преступления было прекращено на стадии приготовления, сводится к следующему: можно ли на стадии приготовления к преступлению выделить исполнителя, несмотря на то, что условия для совершения преступления создавались, а тем самым и приготовительные действия совершались несколькими лицами даже по предварительному между ними сговору.

Если виновные лишь договорились с совместным совершении преступления или даже организовали группу для совместного совершения преступления, то это, бесспорно, должно рассматриваться как умышленное создание условий для совершения преступления. Между тем умышленное создание условий для совершения преступления в соответствии со ст. 15, ч. 1, УК квалифицируется как приготовление к преступлению, причем как приготовление к преступлению, на совершение которого был направлен умысел виновных. Сказанное полностью относится и к разработке плана совместного совершения преступления^х. Различать в рассматриваемых случаях отдельные виды соучастников в соответствии со ст. 17, частями 3, 4, 5 и 6, УК просто невозможно, причем по двум причинам.

Во-первых, сговор о совместном совершении преступления порой носит до того неконкретный, недетализированный характер, что в нем еще не предусмотрено, какую роль каждое из участвующих в сговоре лиц будет выполнять в будущем при совместном совершении преступления. И во-вторых, в рамках этого сговора или даже преступного сообщества не представляется возможным выделение исполнителя преступления в соответствии с признаками, характеризующими исполнителя преступления по ст. 17, ч. 3, УК.

Статья 17, ч. 3, УК гласит: "Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление", статья же 15, ч. 2, УК покушение на преступление определяет как действие, "непосредственно направленное на совершение преступления".

^х При этом необходима одна существенная оговорка: если создание преступного сообщества образует самостоятельное оконченное преступление, то уголовная ответственность наступает по статье Особенной части УК, предусматривающей создание такого сообщества. Так, например, ст. 75 УК в виде самостоятельного преступления - бандитизма - предусматривает организацию вооруженных банд с целью нападения на государственные или общественные учреждения или предприятия, либо на отдельных лиц.

При сопоставлении этих статей напрашивается следующий важный вывод: об исполнителе преступления можно говорить с того момента, когда совершение преступления достигает стадии покушения. Более того: с того момента исполнитель преступления всегда налицо, все равно, идет ли речь об исполнителе в смысле ст. 17, ч. 3, УК или же о т.н. единоличном исполнителе. Отсюда последователен еще один вывод.

На стадии приготовления к преступлению соучастие в преступлении немыслимо. Это справедливо даже тогда, когда группа лиц по предварительному сговору между собой не ограничивается сговором или организацией группы, а создает дальнейшие условия для совместного совершения преступления.

Можно привести следующий пример: по предварительному сговору между собой одно лицо доставляет отмычки для совершения кражи из магазина, другое ищет место для укрывательства похищенного, третье изучает место совершения преступления и т.д. Все эти лица занимаются созданием условий для совершения преступления, но они тем не менее не являются соучастниками в преступлении в смысле ст. 17 УК. Поэтому их действия квалифицируются по соответствующей статье Особенной части УК со ссылкой на ст. 15, ч. 1, УК при условии, конечно, что совершение преступления было прекращено на стадии приготовления, но без ссылки на ст. 17, ч. 4, 5 или 6, УК. Итак, на вопрос о возможности соучастия в предварительной преступной деятельности, прекращенной на стадии приготовления к преступлению, следует ответить отрицательно, независимо от того, имеют ли в виду совиновничество или же соучастие в тесном смысле.

Такое решение рассматриваемого вопроса может вызвать возражения на том основании, что оно ведет к необоснованному смягчению ответственности за приготовление к преступлению. Эти возражения, однако, неосновательны, если только не ошибаются относительно того преступления, за приготовление к которому должны нести ответственность лица, договорившиеся с совместным совершением преступления или совершившие иные приготовительные действия. Так, например, если группа лиц договорилась о совместном совершении хищения государственного или общественного имущества, то каждое из них подлежит ответственности не за приготовление к хищению без отягчающих обстоятельств, а за приготовление к хищению этого имущества по предварительному сговору группой лиц (статьи 15, ч. 1, и 88, ч. 2, п. 1, УК; статьи 15, ч. 1, и 89, ч. 2, п. 2, УК и т. д.).

Что предлагаемое решение вопроса о квалификации подготовительных к совершению преступления действий нескольких лиц единственно возможное, ясно видно, как только попытаться определить роль каждого из этих лиц в соответствии со ст. 17, ч. 3-6, УК. Конечно, может возникнуть мысль, что склонение другого лица к участию в приготовлении к преступлению есть подстрекательство, предусмотренное ст. 17, ч. 5, УК, организация приготовления — организаторство, предусмотренное ст. 17, ч. 4, УК. Но идти дальше при подобной юридической оценке действий лиц, участвующих в приготовлении к преступлению, просто невозможно. Оказывается, что фигуры пособника и исполнителя сливаются. Пособника по собственному усмотрению можно рассматривать и как исполнителя, а предполагаемый исполнитель ничем по существу не отличается от пособника. В этом не трудно убедиться на следующем примере.

А., Б. и В. договорились о совершении краж из загородных дач. В преступный сговор Б. и В. были вовлечены А. Согласно договоренности, А. должен был заниматься подыскиванием неохранных дач, Б. — приисканием орудий взлома, а В. — вербовкой лиц для сбыта ворованных вещей. Вместе с тем была достигнута договоренность о том, что план совершения конкретных преступлений с распределением ролей между А., Б. и В. будет разработан после того, как А., Б. и В. возьмут на себя обязательства выполнять и снова встретятся. Совершение преступления не удалось, так как Г., заведующий комиссионным магазином, которого В. подстрекал принимать ворованные вещи для продажи через комиссионный магазин, сообщил о готовящихся преступлениях в милицию.

Действия А. представляют собой как будто подстрекательство. Можно даже допустить, что он является организатором. Тем не менее на данном этапе совершения преступлений действия А. не выходят за пределы создания условий для совершения преступлений, т. е. являются приготовлением. Б. и В. занимались также созданием условий для совершения преступлений — содействием этому предоставлением орудий и устранением препятствий — и с этой точки зрения могут быть признаны пособниками. В то же время В. занимался также подстрекательством Г. к действиям, характерным пособничеству. Спрашивается: кому же пособник оказывает при совершении преступления содействие? Очевидно, исполнителю преступления. Но кто в данном случае исполнитель? Признать исполнителем А. нельзя, так как он может рассматриваться либо как организатор, либо как

подстрекатель. Говорить о том, что исполнители — Б. и В. также нельзя, ибо их действия не были непосредственно направлены на совершение преступления. Невозможно отнести их и к пособникам, ведь нельзя установить кому было ими оказано содействие. Самому ли себе? А исполнителем в будущем мог оказаться также А. Очевидно, что в данном случае исполнитель еще не выделялся среди лиц, договорившихся о совместном совершении преступлений.

Возможен еще один вариант решения данного казуса: признание всех, как А., так и Б. и В., соинициаторами (соисполнителями) на стадии приготовления к преступлению, поскольку все они участвовали в совершении действий, входящих в объективную сторону приготовления к преступлению — в создании условий для совершения преступлений. Но и этот вариант должен быть категорически отвергнут, в том числе и по уголовно-политическим соображениям.

Как правило, пособник — второстепенная фигура среди соучастников. Наказание ему в подавляющем большинстве случаев снижается. Перспектива оказаться не исполнителем, а пособником открывается ему тогда, когда преступление будет доведено до конца, ибо непосредственно преступление может быть совершено и А. Тогда лицо, признанное исполнителем на стадии приготовления, превращается в пособника. Стимулировать доведение преступления до конца уголовный закон, разумеется, не может.

В литературе высказано мнение о возможности приготовления к соучастию и покушения на соучастие, и внесены предложения о квалификации подобного приготовления к соучастию и покушения на соучастие /4, с. 148—149/. Эти предложения не встретили поддержки /1, с. 241—242; 5, с. 184—185; 6, с. 129; 12, с. 63/. Действительно, ст. 15 УК под приготовлением и покушением подразумевает стадии совершения только конкретных преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК, ибо согласно части третьей этой же статьи наказание за приготовление и покушение назначается по статье Особенной части УК, предусматривающей данное преступление. Допущение возможности и наказуемости приготовления к соучастию в преступлении и покушения на соучастие в преступлении имеет своим последствием квалификацию создания условий для совершения преступления как покушения на преступление. Например, неудавшееся подстрекательство, представляющее собой нечто иное как попытку создания условий для совершения преступления, т. е.

приготовление к преступлению искусственно, под видом покушения на соучастие, признается покушением и наказывается как покушение на преступление. Это тем более недопустимо, что в данном случае вообще нет соучастия в преступлении, ибо отсутствует исполнитель преступления. Здесь мы и подходим к вопросу о квалификации неудавшегося соучастия — организаторства, подстрекательства и пособничества.

В советской уголовно-правовой литературе общепризнано, что подстрекательство, при посредстве которого никого не удалось склонить к совершению преступления, организация преступления, которое на самом деле не было совершено, а также пособничество — содействие совершению преступления, которое в действительности также не было совершено, должны квалифицироваться как приготовление к преступлению, ибо представляют собой создание (точнее, попытку создания) условий для совершения преступления /2, с. 74-75; 9, с. 240; II, с. 41/. В курсе советского уголовного права, изданном Ленинградским университетом, сказано по этому вопросу следующее: "За неудавшееся подстрекательство или пособничество (безуспешная попытка склонить к совершению преступления либо оказать содействие его совершению) лицо несет ответственность не по правилам о соучастии, так как в этом случае отсутствует совместное участие двух или более лиц в преступлении, а за приготовление к совершению соответствующего преступления"/7, с. 631/.

Сказанное не вызывает каких-либо возражений в тех случаях, когда лицо, которого склоняли к совершению преступления, кому создавались условия для совершения преступления, или на привлечение которого к участию в совершении преступления были направлены организаторские усилия другого лица, оставалось пассивным и какого-либо участия в приготовлении преступления не принимало. В этих случаях на самом деле нет соучастия, а неудавшееся организаторство, подстрекательство и пособничество без всяких сомнений должны рассматриваться как приготовление к преступлению: ввиду того, что создание условий для совершения преступления потерпело неудачу, предварительная преступная деятельность была прекращена по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного.

Некоторые сомнения возникают лишь в связи с неудавшимся пособничеством. Иногда неудавшееся пособничество отличается от неудавшихся организаторства и подстрекательства тем, что преступление все же было доведено до конца, ибо исполнитель

предложенными ему услугами не пользовался, а совершил преступление орудиями, им самим приспособленными, или же сам нашел удобные ему способы совершения преступления. По-видимому, в этих случаях нет соучастия в преступлении, т.к. действия "пособника" не находятся в причинной связи с поведением исполнителя. Если действия подобного "пособника" представляют собой общественную опасность, то они должны квалифицироваться как приготовление к тому преступлению, на содействие совершению которого был направлен его умысел. То обстоятельство, что преступление на самом деле было доведено до конца, не может быть вменено в вину "пособнику".

Точка зрения, согласно которой неудавшееся соучастие квалифицируется только как приготовление к преступлению по ст. 15 и соответствующей статье Особенной части УК без ссылки на ст. 17 УК, все же не является единодушной в советской уголовно-правовой литературе. В частности, Б. А. Куринов полагает, что в этих случаях необходима также ссылка на ст. 17 УК. Если эта ссылка отсутствует, то, по его мнению, остается без отражения тот факт, что лицо участвовало в создании условий для совершения преступления при посредстве неудавшегося соучастия в тесном смысле /10, с. 275-276/. С этим согласиться нельзя. Соучастие — это совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. В данном случае какой-либо совместной деятельности двух или более лиц нет, следовательно, нет и соучастия в преступлении.

Ряд вопросов при квалификации действий соучастников возникает в тех случаях, когда один или некоторые из них добровольно отказались от продолжения предварительной преступной деятельности. Удовлетворительный ответ на эти вопросы не может быть получен, пока нет ясности в юридической природе добровольного отказа от совершения преступления.

Вопрос о юридической природе добровольного отказа от совершения преступления представляет собой трудности в связи с несогласованностью статей 15 и 16 УК, дословно воспроизводящих текст Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 15 и 16).

Если исходить из текста ст. 16 УК, то добровольный отказ от совершения преступления должен рассматриваться как обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности. Такой вывод обоснован и теоретически. Отказ от продолжения совершения преступления не устраняет состава преступления в предварительной преступной деятельности, которая уже имела

место до момента добровольного отказа. Не отпадает также уголовно-правовая общественная опасность этой деятельности. Поэтому речь может идти только об обстоятельстве, служившем основанием для освобождения от уголовной ответственности. Такое освобождение имеет целью стимулировать недоведение преступления до конца. Высказанное в уголовно-правовой литературе мнение о том, что в действиях добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца состав преступления, а тем самым и вина, отсутствуют /1, с. 213; 7, с. 577; 8, с. 434; 10, с. 245/, лишено всяких оснований. На самом деле в поведении добровольно отказавшегося от совершения преступления налицо состав или приготовления к преступлению, или же покушения на преступление. Верно лишь то, что в случае добровольного отказа от доведения преступления до конца, миновала опасность продолжения предварительной преступной деятельности и наступления общественно опасного результата.

Вопрос осложняется, если ст. 16 УК сопоставить с его ст. 15. При этом нельзя не заметить несогласованности части 1 и части 2 ст. 15 УК.

Согласно ст. 15, ч. 2, УК "покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного" (разрядка наша - И. Р.). При такой формулировке ст. 15, ч. 2, УК напрашивается вывод, что в случае добровольного отказа на стадии покушения на преступление покушения на преступление нет и состав преступления ввиду добровольного отказа отсутствует, ибо непосредственно направленная на совершение преступления предварительная преступная деятельность прекращена по воле виновного. Но если это так, то тогда это же правило должно распространяться и на случаи добровольного отказа от совершения преступления на стадии приготовления к преступлению. Между тем ст. 15, ч. 1, УК гласит: "Приготовление к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления", причем оговора "если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного" отсутствует. Отсюда последователен вывод о том, что в случае отказа от продолжения преступной деятельности на стадии приготовления к преступлению состав преступления, а именно состав приготовления к преступлению, налицо, и виновный

только освобождается от уголовной ответственности. Противоречивость обоих выводов очевидна. Нельзя не отметить и следующее обстоятельство: непонятен смысл того, что в случае добровольного отказа на более поздней стадии предварительной преступной деятельности этот отказ устраняет состав преступления, между тем как на более ранней стадии, на стадии приготовления, несмотря на добровольный отказ, состав преступления сохраняется. Думается все же, что несогласованность редакций части I и части 2 ст. 15 УК, а также Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик носит случайный характер и, по-видимому, объясняется тем, что при окончательном отредактировании текста Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик недостаточно вникли в суть вопроса, включая в текст закона вышеприведенную оговорку. На самом деле оговорка "по причинам, не зависящим от воли виновного" совершенно лишняя не только потому, что она отсутствует в ст. 15, ч. I, УК, но и потому, что допускает неверные, практически неприемлемые выводы. Правильность подобного утверждения доказывается анализом случаев добровольного отказа при наличии соучастия в преступлении.

Поскольку после окончания преступления возможность добровольного отказа исключена, а на стадии приготовления к преступлению, как подробно было развито выше, не может быть соучастия в преступлении, то добровольный отказ соучастников от доведения преступления до конца может иметь место только на стадии покушения на преступление. При этом следует различать добровольный отказ исполнителя преступления и добровольный отказ соучастников в тесном смысле.

Если придерживаться мнения, что вследствие добровольного отказа от доведения преступления до конца состав предварительной преступной деятельности исключается, то получается, что в случае добровольного отказа исполнителя само соучастие в совершении данного преступления прекращает свое существование, так как больше нет исполнителя. В таком случае не будет и соучастников в тесном смысле. Лица, участвовавшие в совместном совершении преступления, будут нести уголовную ответственность за приготовление к преступлению, т.е. за создание условий для совершения преступления, хотя предварительная преступная деятельность к моменту добровольного отказа исполнителя достигла стадии покушения на преступление.

Такой вывод может быть понятен в тех случаях, когда соучастники в тесном смысле оказали содействие исполнителю до

того, как совершение преступления достигло стадии покушения, и на стадии покушения уже бездействовали. Но этот вывод явно ошибочен в отношении лиц, участвующих в совершении преступления на стадии покушения.

Единственно правильной следует признать точку зрения, согласно которой добровольный отказ исполнителя от доведения преступления до конца не исключает состава преступления в его действиях, а лишь освобождает его от ответственности за покушение, а вместе с тем и за приготовление, но никакого влияния на ответственность других соучастников не оказывает.

Дело в том, что добровольный отказ, как обстоятельство сугубо индивидуальное, характеризует личность только добровольно отказавшегося от совершения преступления (в рассматриваемом случае личность исполнителя), а поэтому влечет за собой освобождение только его от уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность. Что же касается остальных соучастников преступления, то при определении их ответственности совершенно безразлично, по каким, не зависящим от их воли, обстоятельствам, они вынуждены были прекратить свою преступную деятельность — вследствие добровольного отказа исполнителя или же по другим причинам. Они должны на общих основаниях нести уголовную ответственность за участие в покушении на преступление как лица, указанные в ст. 17, ч. 4-6, УК.

Добровольно отказаться от совершения преступления могут не только исполнители преступления, но и соучастники в тесном смысле — организаторы, подстрекатели и пособники. Однако добровольный отказ налицо только в тех случаях, когда в результате такого отказа доведение преступления до конца будет предотвращено. Это справедливо как в отношении добровольного отказа исполнителя, так и других соучастников преступления.

В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение вопроса, когда для предотвращения доведения преступления до конца потребуются активные действия добровольно отказавшегося от совершения преступления и когда достаточно удержание от продолжения активных действий, т. е. пассивное поведение, бездействие добровольно отказавшегося от совершения преступления. Можно лишь отметить, что с этой точки зрения добровольный отказ исполнителя преступления отличается от добровольного отказа соучастников в тесном смысле. Последние, как правило, могут предотвратить доведение преступления только путем активных действий.

Вопрос об уголовной ответственности в случае добровольного отказа соучастника в тесном смысле в целом решается аналогично вопросу об уголовной ответственности добровольно отказавшегося исполнителя. Добровольный отказ от совершения преступления соучастника в тесном смысле влечет за собой освобождение его от уголовной ответственности за участие в покушении на преступление на общих основаниях. Следует лишь отметить, что и в тех случаях, когда совершение преступления уже достигло стадии покушения, соучастник в тесном смысле, который на этой стадии совершения преступления больше преступной активности не проявляет, так как его роль в совместном совершении преступления еще до этого была исчерпана, все же может добровольно отказаться от совершения преступления при условии, что он предотвратит доведение преступления до конца. Разумеется, это возможно только путем активного пресечения дальнейшего развития преступной деятельности. Специально вопросу о добровольном отказе соучастников посвящена статья Д. Дядько /3/.

Разумеется, и на стадии приготовления к преступлению можно добровольно отказаться от продолжения предварительной преступной деятельности. Но в этих случаях исключен добровольный отказ соучастников, хотя лиц, совершивших подготовительные действия, было много. На этой стадии совершения преступления каждое лицо может, так сказать, в индивидуальном порядке добровольно отказаться от продолжения преступной деятельности. Для этого достаточно воздержаться от дальнейших преступных действий. Предотвращение продолжения преступных действий других лиц, занимающихся также созданием условий для совершения преступления, не требуется. Но это лишь общее правило. В тех случаях, когда поведение добровольно отказавшегося находится в причинной связи с поведением другого лица, он должен пресечь продолжение совершения преступления этим другим лицом. Например, когда А. склонил Б. к созданию преступной группы, то он должен предотвратить продолжение преступной активности Б. Но это требуется не потому, что А. и Б. соучастники, а потому, что для наличия добровольного отказа необходимо пресечение развития причинной связи, начальным пунктом которого было поведение добровольно отказавшегося от совершения преступления.

Л и т е р а т у р а

1. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. - М.: Юриздат, 1959.
2. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. - М.: Юриздат, 1955.
3. Дядько Д. Добровольный отказ соучастников преступления. - Социалистическая законность, 1974, № 2.
4. Кобиашвили У.Л. К вопросу о приготовлении к преступлению и покушении на преступление. - Правоведение, 1963, № 3.
5. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Часть вторая: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. - Учен. труды/Свердловский юр. ин-т. Свердловск: Б.и., 1961, т.5.
6. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. - Б.м.: Изд-во МГУ, 1958.
7. Курс советского уголовного права: Часть Общая./Отв. ред. Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. I.
8. Курс советского уголовного права: В 6-ти т. - М.: Наука, 1970, т. 2.
9. Советское уголовное право: Часть Общая./Под ред. Гришаева П.И., Здравомыслова Б.В. - М.: Юрид. лит., 1982.
10. Советское уголовное право: Общая часть./Под ред. Кригера Г.А., Куринова Б.А., Ткачевского Ю.М. - Б.м.: Изд-во МГУ, 1981.
11. Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву: Понятие и наказуемость.- М.: Юриздат., 1958.
12. Трайнин А. Соучастие и уголовная ответственность. - Советское государство и право, 1940. № I.
13. Уголовный кодекс Эстонской ССР: Комментированное издание/Сост. Ребане И. - Таллин: Ээсти Раамат, 1980 (на эст. яз.).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

У. Лыхмус

Кафедра уголовного права и процесса

Соучастие в преступлении в каждом конкретном случае может характеризоваться различной степенью организованности соучастников. Разнообразным по своему характеру может быть и участие отдельных соучастников в совершении преступления. Этим вызывается необходимость различать виды соучастия и соучастников. Иначе не может быть индивидуализирована ответственность за соучастие в преступлении. Законодатель с целью дифференциации ответственности за соучастие также различает виды соучастия и соучастников.

Важным критерием распознавания видов соучастия является специфика связи между соучастниками в преступлении.

Исходя из момента возникновения преступной связи между соучастниками, различают: 1) соучастие без предварительного сговора; 2) соучастие по предварительному сговору. В свою очередь соучастие по предварительному сговору в зависимости от степени прочности связи распадается на три вида: 1) соучастие по обычному, простому предварительному сговору группы лиц, 2) соучастие в виде организованной группы, 3) соучастие в виде преступного сообщества.

1. Квалификация соучастия без предварительного сговора

Характерным признаком этого вида соучастия является отсутствие предварительного, т.е. достигнутого до стадии покушения, сговора или соглашения между виновными о совместном совершении преступления. Механизм возникновения совместных действий без предварительного сговора был исследован Н.Т. Угрехелидзе. Она показала, что сознание совместной деятельности у соучастников может возникнуть в результате влияния различных причин и обстоятельств. В одних случаях между соучастниками нет объективно выраженного соглашения о совместной деятельности, но ранее такие поступки ими неоднократно совершались совместно. Это косвенным образом дает основание

одному из соучастников считать, что при первой же возможности другой окажет ему помощь, сознавая, что преступный результат наступает легче при его содействии /25, с. 63/. В других случаях будущие соучастники заранее не знают и даже не подозревают о намерении исполнителя, однако во время совершения преступления они включаются в действия исполнителя и помогают ему в силу наличия у них антиобщественной ориентации /25, с. 64/.

Какой же признак отличает соучастие без предварительного сговора от посягательств, совершенных несколькими субъектами, каждый из которых действует самостоятельно, независимо от других?

Прав М.И. Ковалев, который утверждает, что "... единство времени при однородности посягательств на один и тот же объект не является основным признаком соучастия в преступлении" /8, с. 213/. Решающим признаком признается "минимальная" /5, с. 64; 8, с. 211/, "элементарная" /27, с. 61/ субъективная связь между участниками. При этом нельзя согласиться с Г.А. Кригером, который полагает, что эта минимальная субъективная связь между соучастниками "... ограничивается знанием одного участника о присоединяющейся преступной деятельности другого ..." /5, с. 64/. Как бы мы не назвали эту связь, важно то, чтобы у соучастников имелось единство намерений совершить сообща одно и то же преступление /8, с. 213/.

Практическое значение выделения соучастника без предварительного сговора состоит в том, что Особенной части как УК ЭССР, так и других союзных республик известен такой квалифицирующий признак как совершение преступления группой лиц. Он предусмотрен в виде отягчающего признака изнасилования в ст. 115, ч. 3, УК ЭССР (ст. 117, ч. 3, УК РСФСР), неповиновения в ст. 213, ч. 2, УК ЭССР (ст. 238, п. "б", УК РСФСР) и сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению служебных обязанностей в ст. 215, ч. 2, УК ЭССР (ст. 240, п. "б", УК РСФСР).¹ Конечно, эти преступления можно совершить группой лиц и по предварительному сговору, но суть дела в том, что, согласно закону, для признания преступлений, предусмотренных

¹ После написания данной статьи Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. внесено изменение в Закон СССР от 25 декабря 1958 года "Об уголовной ответственности за воинские преступления" (Ведомости Верховного Совета Союза ССР, 1983, №51, ст. 784). Согласно новой редакции ст. 8, совершение преступления группой лиц является квалифицирующим обстоятельством и при нарушении устных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, выразившихся в нанесении побоев или ином насилии.

статьями 115, ч. 3; 213, ч. 2, и 215, ч. 2, групповыми не требуется, чтобы участники предварительно договорились о совместном совершении преступления.

Что же следует понимать под "совершением преступления группой лиц"? Группа в смыслеотягчающего обстоятельства, предусмотренного Особенной частью УК, предполагает непосредственное участие в совершении преступления не менее двух субъектов. А. Игнатов прав, когда пишет: "... под групповым изнасилованием понимается соисполнительство в совершении преступления ..." /6, с. 56/. Группа в смысле отягчающего обстоятельства состоит из соисполнителей. Этот вывод можно сделать и при изучении судебной практики Верховного Суда СССР /см. 38, с. 490; 39, с. 494/. Следует отметить, что одно из определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР опубликовано под заглавием: "Изнасилование не может признаваться совершенным группой, если роль второго участника преступления заключалась в пособничестве, а не в соисполнительстве" /41, с. 5/. Именно то, что два или более субъекта преступления объединяют свои силы и знания для совместного исполнения преступления, придает современному преступлению новое качество, при наличии которого можно говорить о его повышенной общественной опасности.

Для признания лица соисполнителем и участником группы не требуется, чтобы каждый из членов преступной группы полностью выполнял объективную сторону преступления. Достаточно, что лицо совершает какие-либо действия, либо входящие в объективную сторону преступления, либо непосредственно направленные на выполнение объективной стороны данного преступления.

Этой же точки зрения придерживается судебная практика.

Объективная сторона изнасилования складывается из двух действий: 1) из применения насилия или угрозы насилия или использования беспомощного состояния потерпевшей, 2) из полового сношения с лицом женского пола. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. за № 2 "О судебной практике по делам об изнасиловании" разъяснил: "... действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта, но путем применения насилия к потерпевшей содействовавших другим в ее изнасиловании, должны квалифицироваться по части 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик¹ как соисполнителей этого преступления, а

¹ Ст. 115, ч. 3, УК ЭССР.

не как пособников" /32, с. 181/. Поэтому явно ошибочным является мнение В.И. Ткаченко и А.М. Царегородцева о том, что групповым можно признать изнасилование только в том случае, если каждый из членов преступной группы полностью выполнял объективную сторону преступления /см. 24, с. 24/.

Думается, что так как объективная сторона изнасилования сложна - изнасилование, как указывалось выше, предполагает применение физического или психического насилия и совершение полового сношения с лицом женского пола - то субъектом преступления, предусмотренного ст. 115 УК ЭССР (ст. 117 УК РСФСР), могут быть лица не только мужского пола, но и женщины. Такой вывод подтверждается следующим примером. Лицо женского пола склоняет к изнасилованию 13-летнего мальчика. Из-за недостижения уголовной ответственности 13-летний мальчик не является субъектом изнасилования. Непосредственным исполнителем является женщина, она может быть привлечена к уголовной ответственности по ст. 115 УК ЭССР (ст. 117 УК РСФСР).

Итак, для квалификации действий виновных по статьям 115, ч. 3; 213, ч. 2, и 215, ч. 2, УК ЭССР (ст. 117, ч. 3; 238 "б"; 240 "б", УК РСФСР) требуется, чтобы не менее двух вменяемых лиц, достигших возраста уголовной ответственности, сообща полностью или частично выполняли действия, охватываемые признаками объективной стороны этих преступлений. Ссылка на ст. 17 УК ЭССР (ст. 17 УК РСФСР) в этих случаях не требуется.

Если соучастник в тесном смысле оказал содействие в совершении преступления одному лицу, то его действия квалифицируются по ст. 17, ч. 4, 5 или 6, и 115, ч. 1; 213, ч. 1, или 215, ч. 1, УК ЭССР (117, ч. 1; 238, ч. "а", или 240, ч. "а", УК РСФСР). Если же помощь оказывалась группе лиц, то соучастник в тесном смысле должен нести ответственность по ст. 17, ч. 4-6, и 115, ч. 3; 213, ч. 2, или 215, ч. 2, УК ЭССР.

II. Квалификация преступлений, совершенных по предварительному сговору группой лиц

Совершение преступления по такому сговору признаетсяотячающим ответственность в четырнадцати статьях Особенной части УК ЭССР, в статьях, предусматривающих посягательства на социалистическое имущество и личное имущество граждан (ст. 88-91, 93, 139-141, 143), обман покупателей и заказчиков (ст. 151), угон механического транспортного средства (ст. 197), хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ст. 207¹), незаконное изготовление,

приобретение, хранение, перевозка, пересылка или сбыт наркотических веществ (ст. 210²), хищение наркотических веществ (ст. 210³).

Закон не уточняет, какой сговор признается предварительным, когда он должен состояться.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. за № 4 "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества" говорится, что "... под хищением, совершенном по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором участвовали двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении ..." /33, с. 145/. Таким образом, и высший судебный орган Союза ССР не дал ясного ответа на интересующий нас вопрос.

Некоторые ученые, говоря о предварительном сговоре, полагают, что такое соглашение может состояться в процессе приготовления или в процессе покушения на кражу /15, с. 46/ или даже в самом процессе исполнения преступления /9, с. 44; 28, с. 32/.

С подобными высказываниями нельзя согласиться. Предварительным может быть признан сговор, достигнутый до того, когда деяния виновных непосредственно были направлены на совершение действия (деяния), предусмотренного диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК. Сговор, достигнутый в стадии покушения, не может рассматриваться как предварительный. Сказанное относится и к продолжаемым преступлениям, которые слагаются из ряда тождественных преступных деяний, содержащих признаки одного и того же состава преступления. Вполне возможно присоединение новых участников в ходе совершения продолжаемого преступления. В. Кудрявцев и Х. Шейнин правы, когда обращают внимание на то, что "... если после такого присоединения будет совершен хотя бы один самостоятельный акт хищения, сговор можно считать предварительным, так как он предшествует указанному акту" /11, с. 29/. Но в то же время присоединившемуся лицу не могут вменяться в вину эпизоды преступления, в которых оно участия не принимало.

При определении момента возникновения соглашения надо учитывать, что в ряде случаев внешне похожие действия в зависимости от конкретных обстоятельств и степени реализации умысла виновного могут рассматриваться либо как приготовление к преступлению, либо как покушение на него. В отличие от приготовления покушением признаются акты поведения, непо-

средственно направленные на совершение действий, входящих в объективную сторону преступления, предусмотренную в Особенной части УК.

Не менее важное значение с точки зрения квалификации преступления, как совершенного по предварительному сговору группой лиц, имеет вопрос о самом понятии группы, о его составе. Но именно этот вопрос является весьма спорным в теории советского уголовного права. Авторами комментариев к уголовным кодексам союзных республик даны разные толкования группы, возникшей по предварительному сговору. В частности, в комментариях к УК РСФСР утверждается, что преступная группа может состоять как из лиц, непосредственно принимающих участие в завладении имуществом (соисполнителей), так и из лиц, между которыми в процессе предварительного сговора имело место распределение ролей. Членами группы, по мнению авторов комментариев, признаются соучастники в том случае, когда до совершения хищения между ними имело место согласованное распределение ролей, совместная разработка плана совершения хищения, проведение совместно подготовительных мероприятий. В этом случае соучастие представляет собой организованную группу /10, с. 184/. В комментариях к уголовному кодексу ЭССР участниками группы признаются только соисполнители /29, с. 70-71/.

Нам представляется, что последняя точка зрения является более обоснованной, и поэтому мы согласны с теми учеными, которые утверждают, что совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, как предусмотренное в ряде статей Особенной части УК обстоятельство,отягчающее ответственность, предполагает непосредственное участие в преступлении двух или более лиц, обладающих всеми качествами субъекта преступления и действующих при совершении преступления как соисполнители /см. 1, с. 10; 17, с. 192; 2, с. 21-22; 30, с. 20 и др./.

Организованная группа несомненно представляет собой более опасный вид соучастия по сравнению с группой, образовавшейся по простому предварительному сговору. Ей свойственны определенная сплоченность и устойчивость. Вполне возможно, что некоторые члены организованной группы не участвуют во всех преступлениях, совершенных членами организованной группы. Но членство в организованной группе может служить основанием для привлечения лица к ответственности за совершение преступления при отягчающих обстоятельствах только в случа-

ях, прямо указанных в законе (ст. 75^I, 76, 201^I УК ЭССР).

В пользу наших доводов можно привести и следующие аргументы:

1) попытки приписать участнику группы кроме исполнения выполнения также других ролей ведут к стиранию границ между соучастием в тесном смысле и соисполнительством;

2) в литературе справедливо отмечается, что само понятие группы должно быть единым как при совершении преступлений, обязательным признаком которых закон признает предварительный сговор субъектов, так и при совершении преступлений, обязательным признаком которых такой сговор не является. Это относится и к группе как квалифицирующему признаку изнасилования, предусмотренному ст. 115, ч. 3, УК ЭССР (117, ч. 3, УК РСФСР), и хищения государственного или общественного имущества путем кражи, предусмотренному ст. 88, ч. 2, п. I, того же кодекса (ст. 89, ч. 2, УК РСФСР). Между тем, как было показано выше, судебная практика признает изнасилование совершенным группой лиц только в том случае, если группа состояла из соисполнителей /38, с. 490-493; 39, с. 493-495; 40, с. 495-497/;

3) к такому выводу можно прийти и в результате анализа текста закона. По ст. 88, ч. I, УК ЭССР наказывается тайное похищение государственного или общественного имущества (кража). Часть вторая этой статьи сформулирована следующим образом: "т о ж е д е й с т в и е (разрядка наша - У.Л.), совершенное:

I) по предварительному сговору группой лиц ..."

Подобное словосочетание законодатель использовал и в диспозициях ч. 2 ст. 89, 90, 91, 93, 139, 140, 141, 151 и др., где признаком,отягчающим ответственность, является совершение преступления по предварительному сговору группой лиц. И это не случайно.

Использование слов "то же действие, совершенное по предварительному сговору группой лиц" означает, что участник группы должен в полном объеме или частично выполнять объективную сторону преступления, т.е. совершить хотя бы не в полном объеме действия, предусмотренные в части первой соответствующей статьи. Следовательно, подобная редакция текста УК ЭССР раскрывает и содержание понятия "группа".

Части I и 2 ст. 89 УК РСФСР сформулированы несколько иначе:

"Тайное похищение государственного или общественного имущества (кража) -

(-)

Кража, совершенная повторно, или по предварительному сговору группой лиц, - ..."¹

Однако в диспозициях ст. 156 и 212¹ УК РСФСР используется также словосочетание "те же действия, совершенные по предварительному сговору группой лиц".

При соисполнительстве выполнение объективной стороны деяния разделено между соисполнителями. При этом возможны следующие варианты:

1) каждый участник группового преступления выполняет в полном объеме действия, охватываемые признаками объективной стороны преступления;

2) один участник совершает все действия, необходимые для наличия объективной стороны оконченного преступления, другой же совершает действия, также входящие в объективную сторону преступления, но сами по себе недостаточные для наличия объективной стороны оконченного преступления;

3) совершаемые участниками группового преступления действия только в своей совокупности содержат все признаки состава оконченного преступления.

Действия всех участников группы квалифицируются по соответствующей статье, части и пункту Особенной части УК (ст. 88, ч. 2, п. 1; 89, ч. 2, п. 2, УК ЭССР и др.) без ссылки на ст. 17, ч. 4-6, УК ЭССР. Но если при совершении преступления кроме исполнителей участвуют также пособник, подстрекатель и организатор, то их действия квалифицируются со ссылкой на ст. 17, ч. 4, 5 или 6, УК ЭССР (например, действие подстрекателя групповой кражи государственного имущества - по ст. 17, ч. 5, и 88, ч. 2, п. 1, УК ЭССР).

III. Совершение преступления организованной группой

Организованная группа - это более опасное преступное соединение. Но в то же время нет точных законодательных критериев для разграничения организованной группы от неорганизованной, хотя и действующей по предварительному сговору. Разграничение в каждом отдельном случае решается как вопрос факта. В уголовном законодательстве совершение преступления организованной группой учитывается как обстоятельство, отягчающее ответственность при назначении наказания (ст. 38,

¹ В ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1983 г. - Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1982, № 49, ст. 1821.

п. 2, УК ЭССР; 39, п. 2, УК РСФСР) даже тогда, когда совершенные преступления по предварительному сговору группой лиц является отягчающим признаком согласно статье Особенной части УК ЭССР; об организованных группах идет речь в статьях Особенной части УК, устанавливающих ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 75¹), за контрабанду (ст. 76)¹, за организацию групповых действий или активное участие в этих действиях, нарушающих общественный порядок (ст. 194³), и за посягательство на личность и права граждан под видом исполнителя религиозных обрядов (ст. 201¹).

Большая часть признаков организованной группы идентична признакам группы, совершающей преступление по обычному предварительному сговору. Но организованная группа обладает известной сплоченностью и устойчивостью соучастников. Эта группа организована для совершения одного или нескольких преступлений. Следовательно, для признания преступления совершенным организованной группой нужно установить определенный уровень организованности преступников.

В теории советского уголовного права общепризнано, что организованная группа может состоять из соисполнителей, которые все принимают непосредственное участие в совершении преступления. Но в группе могут числиться и пособник, и организатор преступления, а также подстрекатель к преступлению, т.е. соучастники в узком смысле. И это естественно, т.к. именно организованной группе характерно распределение ролей между участниками группы. Вопрос состоит в том, признают ли всех их соисполнителями преступления или же они остаются соучастниками в узком смысле?

В теории господствует точка зрения, по которой все участники организованной группы привлекаются к ответственности как соисполнители преступления. Их действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за групповые действия без ссылки на ст. 17, ч. 4-6, УК /23, с. 144-145; 4, с. 31-32; 21, с. 234 и др./.

Имеются и противоположные мнения. Так, по утверждению А.В. Ушакова, наличие организованной группы делает входящих

¹ В определении Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 декабря 1964 г. отмечается: "В ст. 78 УК РСФСР, предусматривающей в качестве одного из признаков уголовно наказуемой контрабанды совершение ее группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой, говорится не об обычном соучастии, а о специальной форме соучастия - организованной группе ..." /37 с. 36/.

в нее лиц не соисполнителями, а лишь участниками такой группы, в рамках которой осуществляется данное преступление /26, с. 51/.

Нам представляется правильной точка зрения И. Ребане, который находит, что действующее уголовное законодательство не позволяет решить этот вопрос однозначно /см. 30, с. 32/. Действительно, преступления, предусмотренные ст. 75¹, 194³ и 201¹ УК ЭССР (ст. 77¹, 190³ и 227 УК РСФСР), с объективной стороны выражаются либо в организации для совершения указанных преступлений преступных группировок, либо в активном участии в этих группировках. Действие, которое выражается в организации группировок или активном участии в этих группировках, является исполнительским. Участники совершают самостоятельные преступления. По указанию Пленума Верховного Суда СССР организация преступных группировок в целях нападения на администрацию исправительно-трудового учреждения образует состав оконченного преступления и в том случае, когда группировка еще не совершила намеченных преступных действий /31, с. 133/. Действия организаторов указанных группировок и активных участников квалифицируются по соответствующей статье без ссылки на ст. 17, ч. 4-6, УК ЭССР. При этом надо учитывать, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 75¹ УК ЭССР (ст. 77¹ УК РСФСР), могут быть только лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы. Но тем самым не исключена ответственность на общих основаниях при наличии условий, предусмотренных ст. 17 УК ЭССР (ст. 17 УК РСФСР), тех членов группировок, которые не принимали в них активного участия или не обладали всеми признаками субъекта преступления, указанного в диспозиции ст. 75¹ УК ЭССР (ст. 77¹ УК РСФСР). Эти лица могут быть подстрекателями или пособниками, и их действия надлежит квалифицировать со ссылкой на ст. 17, ч. 5-6, УК ЭССР, но при этом, как указал Пленум Верховного Суда СССР, недопустимо осуждение за одну лишь причастность к группировке /31, с. 133/.

Иначе решается вопрос при групповой контрабанде. Уголовная ответственность за контрабанду, предусмотренная ст. 76 УК ЭССР (ст. 78 УК РСФСР), наступает при наличии определенныхотягчающих признаков, в том числе при совершении преступления группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой. Объективная сторона преступления выражается в незаконном перемещении товаров или иных ценностей через государственную границу Союза ССР. При этом под незаконным переме-

щением товаров или иных ценностей через государственную границу СССР подразумевается перемещение, совершенное помимо таможенных учреждений без соответствующего на то разрешения, т.е. вне мест и времени, определенных этими учреждениями, либо с сокрытием от таможенного контроля этих предметов /34, с. 15/. По мнению Ю.И. Сучкова, все члены группы контрабандистов несут ответственность как исполнители преступления по ст. 78 УК РСФСР (ст. 76 УК ЭССР), даже если некоторые не участвовали в незаконном перемещении товаров через государственную границу, а лишь занимались хранением или перепродажей контрабандных товаров /22, с. 41/. Нам представляется мнение Ю.И. Сучкова неосновательным. В качестве исполнителей отвечают лица, которые занимались перемещением товаров через государственную границу СССР, т.к. объективная сторона контрабанды выражается именно в таких действиях. Ссылка на ст. 17 УК ЭССР при этом не требуется. Другие члены группы (например, те, которые сбывают контрабандный товар) и лица, содействовавшие совершению контрабанды, подлежат уголовной ответственности за соучастие в данном преступлении. Их действия следует квалифицировать со ссылкой на ст. 17, ч. 4-6, УК ЭССР (ст. 17, ч. 4-6, УК РСФСР). Именно так, по нашему мнению, решается вопрос о составе группы и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. за № 2 "О судебной практике по делам о контрабанде". В п. 3 постановления разъясняется, что под группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой, следует понимать двух или более лиц, специально объединившихся в целях совместного и неоднократного перемещения товаров через государственную границу СССР. Лица, содействовавшие совершению контрабанды, подлежат уголовной ответственности за соучастие в данном преступлении /34, с. 16; см. также 36, с. 34/.

Согласно закону (ст. 38, ч. 2, УК ЭССР; ст. 39, ч. 2, УК РСФСР), совершение преступления организованной группой рассматривается как обстоятельство,отягчающее ответственность всех членов этой группы при назначении им наказания. Но только ли членам организованной группы? Думается, что правы те, которые признают возможным учитывать это отягчающее ответственность обстоятельство при назначении наказания и тем лицам, которые не являлись членами организованной группы, но принимали участие в совершении преступления организованной группой в качестве организаторов, подстрекателей или пособников /30, с. 33/.

Ст. 38, п. 2, УК ЭССР (ст. 39, п. 2, УК РСФСР) может быть применена и в тех случаях, когда признаком данного вида преступления является совершение преступления "группой лиц" или "по предварительному сговору группой лиц", но фактически посягательство было осуществлено организованной группой. Иначе обстоит дело в случаях, когда в статье Особенной части УК говорится об организованной группе. В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. за № 3 "О практике применения судами общих начал назначения наказания" разъясняется: "В тех случаях, когда то или иное обстоятельство, предусмотренное в законе в качестве смягчающего или отягчающего ответственность, указано в диспозиции статьи Особенной части уголовного кодекса в качестве одного из признаков преступления, оно дополнительно не должно учитываться как смягчающее или отягчающее ответственность при назначении наказания за это преступление" /35, с. 19/.

IV. Совершение преступления преступным сообществом

Преступное сообщество является наиболее опасным видом соучастия по предварительному сговору группы лиц. Следует отметить, что действующее законодательство не знает такого термина. Ответственность участников преступных сообществ предусмотрена нормами Особенной части УК, входящими в главу об особо опасных и иных государственных преступлениях. Разновидностями преступного сообщества являются заговор с целью захвата власти (ст. 62 УК ЭССР, ст. 64 УК РСФСР), антисоветская организация (ст. 70 УК ЭССР, ст. 72 УК РСФСР) и вооруженная банда (ст. 75 УК ЭССР, ст. 77 УК РСФСР).

Преступным сообществом признается устойчивое объединение двух или более лиц, организовавшихся для совместной преступной деятельности /см. 23, с. 132; 10, с. 37/. Это определение нуждается в уточнении. По мнению М.И. Ковалева, "... преступной организацией может быть признана лишь такая группа из двух или более лиц, которая предварительно организовалась для занятия преступной деятельностью, т.е. для совершения ряда преступлений" /8, с. 231/. Думается, что такое представление о преступном сообществе является неправильным. Дело в том, что участники преступного сообщества могут совершить множество общественно опасных деяний, но преступное сообщество может быть организовано и для совершения только одного преступления (например, для совершения террористического акта против представителя иностранного государства, предусмотренного ст. 64 УК ЭССР (ст. 67 УК РСФСР)). Поэтому

представляется возможным определить преступное сообщество как устойчивое объединение двух или более лиц, организовавшихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В состав преступного сообщества входят организатор (организаторы) и рядовые участники. Обычно те лица, которые объединяют других лиц в целях создания преступного сообщества, являются сами и руководителями уже созданного сообщества. В ст. 70 УК ЭССР (ст. 72 УК РСФСР) предусмотрена ответственность за организационную деятельность, направленную: 1) к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений или 2) к созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а в статье 75 УК ЭССР (ст. 77 УК РСФСР) – за организацию вооруженных банд с целью нападения на государственные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц. Таким образом, организационная деятельность в указанных случаях является признаком объективной стороны преступления, т.е. за саму организацию преступного сообщества ответственность предусмотрена в законе как за оконченное преступление. Деятельность организатора, направленная на подготовку или совершение особо опасных государственных преступлений, на создание организации, имеющей целью совершить такие преступления, квалифицируется по ст. 70 УК ЭССР (ст. 72 УК РСФСР) и по статье, предусматривающей ответственность за те конкретные особо опасные государственные преступления, для подготовки которых проводилась организационная деятельность, без ссылки на ст. 17, ч. 4, УК. Деятельность организатора вооруженных банд квалифицируется по ст. 75 УК ЭССР (ст. 77 УК РСФСР).

Более сложным является вопрос об ответственности участников преступных сообществ. Вопрос состоит в том, какие действия охватываются понятием "участие в преступном сообществе".

А.А. Пионтковский, касаясь вопроса об участии в антисоветской организации, подразумевал под участием и дачу согласия на членство в организации. По его мнению, согласие на вступление в антисоветскую организацию уже связывает лицо с общей преступной целью этой организации /12, с. 139/. С ним солидарен Г.З. Анашкин /14, с. 212-213/. Другие считают, что оконченным является преступление с момента вступления в антисоветскую организацию или банду /см. 16, с. 133; 19, с. 54; 20, с. 260 и др./. Очевидно авторы вышеуказанных точек зрения дали закону распространительное толкование. В статьях 70

и 75 УК ЭССР (ст. 72 и 77 УК РСФСР) предусматривается ответственность не за дачу согласия на вступление в антисоветскую организацию или вооруженную банду, не за вступление в указанные сообщества, а за участие в антисоветской организации или в бандах. Участие в преступном сообществе предполагает активные, реальные действия для осуществления целей преступного сообщества /см. 23, с. 148; 7, с. 254-255/. Поэтому представляется правильным мнение комментаторов УК РСФСР: "Лицо может быть признано участником антисоветской организации в том случае, если оно дало согласие на вступление в ее члены и если оно приняло практическое участие в подготовке или совершении преступлений, входящих в планы деятельности организации ..." /10, с. 150/.

Но какова уголовно-правовая оценка вступления в антисоветскую организацию? Нам представляется правильным точка зрения тех авторов, которые находят, что вступление в антисоветскую организацию или банду есть создание условий для участия в преступном сообществе и должно рассматриваться как приготовление к участию в антисоветской организации или банде /см. 18, с. 129/. Участники преступного сообщества признаются исполнителями, и их действия квалифицируются по соответствующей статье Особенной части УК, без ссылки на ст. 17 УК.

Те лица, которые не являются членами преступного сообщества, но оказали помощь сообществу в его преступной деятельности (выполнение отдельного задания, сокрытие членов сообщества и т.д.), отвечают как пособники на общих основаниях, если они знали, что оказывают содействие преступному сообществу. Их действия квалифицируются со ссылкой на ст. 17, ч. 6, УК ЭССР.

Справедливой критике подвергалась точка зрения, согласно которой уголовная ответственность участникам преступного сообщества наступает за всю совокупность преступлений, совершенных преступным сообществом. В теории советского уголовного права, кроме прямых указаний на такую ответственность /13, с. 609/, встречаются также весьма неопределенные, расплывчатые высказывания о пределах ответственности участников преступного сообщества. Так, высказано утверждение, что член сообщества несет ответственность в пределах объема преступной деятельности, в которой он неопределенно участвовал или "которая охватывалась его сознанием и волей" /3, с. 133/.

Советское уголовное право не знает коллективной ответственности. Поэтому любой член преступного сообщества отвечает за собственные деяния. Рядовой член сообщества несет ответственность только за те совместные деяния, в совершении которых он принял непосредственное участие.

Л и т е р а т у р а

1. Бородин С., Владимиров В. Спорные вопросы квалификации некоторых преступлений в комментариях уголовного кодекса РСФСР. - Советская юстиция, 1966, № 13.
2. Галахова А. Практика применения уголовного закона о соучастии. - Советская юстиция, 1980, № 5.
3. Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление: Переменные и постоянные признаки. - Свердловск: Б.и., 1973.
4. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. - М.: Юрид. лит., 1980.
5. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1959.
6. Игнатов А. Ответственность за изнасилование при отягчающих обстоятельствах. - Социалистическая законность, 1982, № 7.
7. Клягин В.С. Ответственность за особо опасные государственные преступления. - Минск: Вышейш. школа, 1973.
8. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: ч.2. Виды соучастников и формы соучастия в преступной деятельности. - Учен. труды/Свердловский юрид. ин-т. - Свердловск: Б.и., 1961, т.4.
9. Кокшаров С.С. Некоторые вопросы квалификации соучастия в хищениях социалистического имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением. - Учен. зап./Томский гос. ун-т. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967, т. 67.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР./Отв.ред. Северин Ю.Д. - М.: Юрид. лит., 1980.
11. Кудрявцев В., Шейнин Х. Усилить борьбу с посягательствами на социалистическую собственность. - Социалистическая законность, 1962, № 6.
12. Курс советского уголовного права: В 6-ти т. /Ред.колл.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. - М.:

- Наука, 1970, т. 4.
13. Курс советского уголовного права. Часть общая./Отв. ред. Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. 1.
 14. Курс советского уголовного права. Часть особенная./Отв. ред. Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1973, т.3.
 15. Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Уголовно-правовая охрана сельского хозяйства. - М.: Юриздат, 1963.
 16. Пинчук В.И. Состав преступления и проблема ответственности за соучастие особого рода. - Вестник ЛГУ. Серия экономики, философии и права, 1959, № 17.
 17. Погребняк И. Г. Квалификация хищений, совершенных по предварительному сговору группой лиц. - В кн.: Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. - М.: Юрид. лит., 1971.
 18. Смирнов Е.А. Особо опасные государственные преступления. (Вопросы квалификации в связи с применением уголовно-правовой нормы): Учебное пособие. - Киев: Б.и., 1974.
 19. Советское уголовное право. Часть особенная./Отв.ред.Загородников Н.И. - М.: Юрид. лит., 1973.
 20. Советское уголовное право. Общая часть./Под ред. Кригера Г.А., Куринова Б. А., Ткачевского Ю. М. - Б.м.: Изд-во МГУ, 1981.
 21. Советское уголовное право. Часть Общая./ Под ред. Гришаева П.И., Здравомыслова Б.В. - М.: Юрид. лит., 1982.
 22. Сучков Ю. И. Контрабанда и ответственность. 2-е изд., доп. - Б.м.: Калининградское книжн. изд-во, 1976.
 23. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлениях. - М.: Юрид. лит., 1974.
 24. Ткаченко В. И., Царегородцев А.М. Вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц. - В кн.: Проблемы борьбы с преступностью: Сборник научных трудов. - Омск: Б.и., 1978.
 25. Угрехелидзе Н.Г. Криминологическая характеристика соучастия в преступлении. - Тбилиси: Мицнерева, 1975.
 26. Ушаков А.В. Ответственность за групповые преступления (общие вопросы): Учебное пособие. - Калинин: Б.и., 1975.
 27. Ушаков А.В. Понятие и квалификация группового преступления. - Советское государство и право, 1976, № 2.
 28. Ушаков А.В. Групповое преступление и смежные с ним формы преступной деятельности: Учебное пособие. - Калинин:Б.и.,

1978.

29. Eesti NSV kriminaalkodeks: Kommenteeritud väljaanne/ Koost. Rebane I. Parand. ja täiend. väljaanne. - Tln.: Eesti Raamat, 1980.
30. Rebane I. Nõukogude kriminaalõigus: Üldosa: Õpetus kuriteost: III osa. 2. vihik: Kuriteost osavõtt ja kuriteo- ga puutumus. - Tartu: S.n., 1983.

Судебная практика

31. Постановление № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. "О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие работу исполнительно-трудовых учреждений". - В кн.: Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. - М.: Известия, 1981, ч. 2.
32. Постановление № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании". - В кн.: Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. - М.: Известия, 1981, ч. 2.
33. Постановление № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества". - В кн.: Сборник Постановлений Верховного Суда СССР 1924-1977. - М.: Известия, 1981, ч. 2.
34. Постановление № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. "О судебной практике по делам о контрабанде". - Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 2.
35. Постановление № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. "О практике применения судами общих начал назначения наказания". - Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979, № 4.
36. Рассмотрение уголовных дел о контрабанде: Обзор судебной практики. - Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 6.
37. Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 декабря 1964 г. по делу Ракитянского и др. - Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 1.
38. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 10 января 1974 г. по делу Веляева А.Н. и Рудаевой Н.В. - В кн.: Сборник Постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1971-1979. - М.: Известия, 1981.

39. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 24 июня 1974 г. по делу Мамед-оглы Ч. А. и Юзбаш-оглы А. Ч. - В кн.: Сборник Постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1971-1979. - М.: Известия, 1981.
40. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 января 1975 г. по делу Рахматова М. и Акматова А. - В кн.: Сборник Постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1971-1979. - М.: Известия, 1981.
41. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 11 июня 1980 г. по делу Гребенникова. - Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 1.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННО- ЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ГРУППЕ И В ОДИНОЧКУ

Н.О. Гинтер

Лаборатория социологии отклоняющегося поведения

Групповая преступность несовершеннолетних является относительно широко распространенной формой проявления соучастия. Согласно общепринятому мнению, преступник, в том числе несовершеннолетний, совершивший преступление в группе, обладает более высокой степенью общественной опасности, чем тот, кто действовал в одиночку /2, с. 452; 5, с. 69; 4, с. 72/. При этом исходят из положений уголовного закона, в которых совершение преступления организованной группой считается отягчающим ответственность обстоятельством (ст. 38 УК ЭССР). Помимо того во многих составах преступления совершение преступления группой лиц, по предварительному сговору или без него, рассматривается в качестве квалифицирующего обстоятельства.

Исследуя структуру преступности несовершеннолетних (табл. I), мы видим, что в пяти статьях из двенадцати перечисленных (41,7 %) совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или даже без него считается квалифицирующим обстоятельством. Если к тому же учитывать и удельный вес отдельных видов преступлений в структуре преступности, то оказывается, что у 71,1 % всех несовершеннолетних подсудимых, совершивших преступления в группе, последнее обстоятельство принималось во внимание как квалифицирующее.

Изучение в отдельности несовершеннолетних в возрасте 14-15 и 16-17 лет выявило, что в первом контингенте совершение преступления в группе рассматривалось в качестве квалифицирующего обстоятельства практически почти у всех (87,3%), соответствующий показатель в контингенте 16-17-летних составил 66,4 %. Это дает основание утверждать, что уголовный закон, как правило, относится к несовершеннолетним, совершившим преступление в группе, как к представляющим большую по сравнению с несовершеннолетними, совершившими преступления в одиночку, общественную опасность.

Т а б л и ц а I

Основные виды преступлений несовершеннолетних
(по данным об осужденных в ЭССР с 1976 по 1980 гг.)^I, %

Статьи УК ЭССР		Возрастные группы и характер преступления				
		14-15-летние		16-17-летние		Все несо- вершенно- летние
		в груп- пе	в оди- ночку	в груп- пе	в оди- ночку	
88	39,0	24,8	21,6	7,2	21,7	
107, 108	0,2	6,8	0,7	1,7	1,0	
112	-	1,2	0,3	0,7	0,4	
115	5,3	1,7	5,4	3,9	5,0	
139	31,2	40,2	24,0	20,4	24,9	
140	6,2	7,7	9,6	7,6	8,6	
141	5,6	3,4	5,8	2,1	4,9	
184	-	-	0,1	1,7	0,4	
195	9,4	12,0	18,9	26,9	18,8	
197	0,2	-	6,3	10,8	7,2	
204	-	-	0,7	6,9	1,8	

Однако в криминологической литературе встречается и противоположная позиция. Основываясь на выборочных данных о доле групповой преступности в различных возрастных группах, Ю.М. Антонян сделал вывод относительно обратно пропорциональной зависимости между возрастом и ростом числа судимостей, с одной стороны, и удельным весом доли преступлений, совершенных в группе, с другой. Отсюда он делает вывод о том, что с накоплением определенного багажа знаний и умений, жизненного опыта, в том числе и преступного, отпадает необходимость в помощи соучастников и поэтому подросток, совершивший преступление в одиночку, как личность представляет собой большую общественную опасность, чем тот несовершеннолетний, который является участником группового преступления /1, с. 74/. Некоторое несогласие с вышеприведенной позицией выражает Л.А. Рябис. Выявляя зависимость количества совершенных

^I В таблицу включены все виды преступлений, которые хотя бы в одной из приведенных подгрупп несовершеннолетних составляли более одного процента совершенных преступлений.

преступлений от того, совершены ли они группой лиц или в одиночку, она в своей выборке установила, что 16,0 % лиц, совершивших преступления в соучастии, осуждены за 2 и более преступления, тогда как среди несовершеннолетних, совершивших преступления в одиночку, таких лиц оказалось лишь 11 %. Эти данные она противопоставляет гипотезе Ю.М. Антоняна /3, с. 99/.

По нашему мнению, данные Л.А.Рябис и Ю.М. Антоняна не опровергают друг друга. Удельный вес осужденных за два и более преступления среди лиц, совершивших преступления в группе, отражает прежде всего степень активности преступных групп и лишь во вторую очередь – личность каждого отдельного члена группы, и тем самым он не должен и не может совпадать с соответствующими показателями судимости лиц, совершивших групповые преступления. Если для проверки гипотезы Ю.М.Антоняна вместо удельного веса осужденных за 2 и более преступления взять долю ранее судимых лиц, то выявится противоположная картина. По нашим данным, среди всех осужденных судами ЭССР с 1976 по 1979 годы 16–17-летних лиц, совершивших групповые преступления, ранее судимые составили 15,5 %, среди лиц того же возраста, совершивших преступления в одиночку, ранее судимых оказалось 18,2 %, т.е. не меньше (как мы видели в отношении совершивших два и более преступления), а больше, чем в контингенте лиц, совершивших групповые преступления.

Более серьезным является упрек Л.А.Рябис в адрес Ю.М. Антоняна, заключающийся в том, что последний экстраполирует на несовершеннолетних данные, относящиеся во многом к взрослым лицам /3, с. 97/.

Чтобы эмпирически проверить состоятельность указанного недостатка, автор настоящей статьи сравнил влияние числа судимостей на удельный вес лиц, совершивших преступления в группе, в различных возрастных контингентах.

Данные, приведенные в таблице 2, убеждают нас в том, что суждения Ю.М. Антоняна относительно сокращения доли лиц, совершивших преступления в группе, с возрастом и ростом числа судимостей /1, с. 74/ действительны и в отношении осужденных судами ЭССР с 1976 по 1979 гг.

В нашем контингенте удельный вес лиц, совершивших преступления в группе, как это видно из нижней строки таблицы 2, снижается с 85,0 % среди 14–15-летних до 43,4 % в контингенте 18–24-летних и до 13,5 % среди лиц старше 49 лет. И, как

Т а б л и ц а 2

Удельный вес лиц, совершивших преступления в группе, среди осужденных впервые и неоднократно осужденных, %

Число судимостей	В о з р а с т , г о д ы						
	14-15	16-17	18-24	25-29	30-49	50 и старше	Все осужденные
Впервые осужденные	84,3	74,1	43,6	29,3	22,7	20,9	41,3
Ранее судимые, судимость которых снята или погашена	50,0	80,0	39,7	27,6	16,8	8,9	22,6
Имеющие одну неснятую судимость	85,2	68,8	44,8	30,3	12,6	3,1	34,8
Имеющие две неснятых судимости	-	69,6	40,9	36,7	11,5	2,8	28,3
Имеющие три и более неснятых судимости	-	100,0	35,8	32,2	17,9	1,1	20,7
Все осужденные	85,0	73,4	43,4	30,2	19,0	13,5	36,3

можно убедиться, просмотрев последний столбец этой же таблицы, доля лиц, совершивших преступления в группе, уменьшается также в зависимости от увеличения количества судимостей с 41,3 % у впервые осужденных до 20,7 % у имеющих три и более неснятых судимости.

Если же рассматривать зависимость удельного веса лиц, совершивших преступления в группе, от числа судимостей в различных возрастных группах, то от приведенной последней закономерности (так же, как и от указанного в примечании исключения) не остается ровным счетом ничего.

Доля лиц, совершивших преступления в группе, явно свя-

Из данного ряда несколько выпадают лица, судимость которых снята или погашена. С юридической точки зрения, они должны располагаться вблизи от впервые осужденных, однако по удельному весу лиц, совершивших преступление в группе, они больше всего приближаются к имеющим две и более судимости.

зана с количеством судимостей только в контингенте, включающем лица в возрасте 50 лет и старше. В остальных возрастных группах прямой зависимости между долей лиц, совершивших преступление в группе, и количеством судимостей обнаружено не было (табл. 2).

Если рассматривать возрастную структуру впервые осужденных и осужденных неоднократно, то, как и следовало ожидать, выявляется, что рост числа судимостей сопровождается увеличением удельного веса контингентов осужденных более пожилого возраста (табл.3).

Поскольку в этих возрастных группах доля лиц, совершивших преступления в группе, является наименьшей, очевидна и причина появления мнимой закономерности, заключающейся в обратном пропорциональной зависимости между совершением преступления в группе и числом судимостей.^I

Т а б л и ц а 3

Возрастная структура впервые осужденных и лиц, осужденных неоднократно, %

Число судимостей	В о з р а с т. г о д ы						Всего
	14-15	16-17	18-24	25-29	30-49	50 и старше	
Впервые осужденные	4,5	16,0	31,4	16,2	28,3	3,6	100,0
Ранее судимые, судимость которых снята или погашена	0,1	1,9	13,3	20,5	54,7	9,5	100,0
Имеющие одну неснятую судимость	0,9	10,0	40,0	18,7	28,3	2,2	100,0
Имеющие две неснятых судимости	-	1,8	33,3	24,6	37,5	2,9	100,0
Имеющие три и более неснятых судимости	-	0,2	6,7	20,6	63,4	9,1	100,0

^I Выясняется и причина, по которой лица, судимость которых снята или погашена, существенно отличаются от впервые

однако отрицая справедливость суждения о том, что зависимость удельного веса лиц, совершивших преступление в группе, от числа судимостей, указывает на большую общественную опасность несовершеннолетних, совершивших преступление в одиночку, автор настоящей статьи не оспаривает гипотезы о сравнительно большей общественной опасности названных последними несовершеннолетних преступников. Напротив, в поддержку вышеприведенной гипотезы можно привести некоторые эмпирические данные, характеризующие несовершеннолетних подсудимых Эстонской ССР. Так, мы уже указывали, что среди 16-17-летних подсудимых ранее судимыми относительно чаще являются лица, совершившие преступления в одиночку, а среди 14-15-летних одиночек доля лиц, совершивших преступления, но освобождающихся от уголовной ответственности, значительно больше, чем среди членов групп (18,6 % против 15,9 %). Все несовершеннолетние, совершившие преступления в одиночку, как 14-15-летние, так и 16-17-летние, чаще уже ранее направлялись в спецшколы и специальные ПТУ (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Удельный вес несовершеннолетних, ранее направленных в спецшколы и спец ПТУ, среди лиц, совершивших преступление в одиночку или в группе, %

	В о з р а с т. г о д ы	
	14-15	16-17
Совершившие преступление в одиночку	31,4	23,4
Совершившие преступление в группе	19,3	17,8

Тем не менее данные показатели нельзя считать достаточными для подтверждения вышеуказанной гипотезы. Вопрос о степени общественной опасности несовершеннолетних, совершивших преступление в одиночку и в группе, требует дальнейшего эмпирического исследования.

осужденных по удельному весу участников группового преступления и по данному показателю приближаются к подсудимым, имеющим уже по 2 - 3 судимости и больше.

Л и т е р а т у р а

1. Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника.- М.: Академия МВД СССР, 1975.
2. Курс советского уголовного права: В 6-ти т. Часть Общая. Преступление.- М.: Наука, 1970, т. 2.
3. Рыбис Л.А. О сравнительном изучении общественной опасности личности несовершеннолетних, совершивших преступления в группе и в одиночку. - В кн.: Социально-психологическое изучение личности несовершеннолетних, совершивших преступления.- М.: Б. и., 1977.
4. Угрехелидзе Н.Г. Криминологическая характеристика соучастия в преступлении.- Тбилиси: Мецниереба, 1975.
5. Ушаков А.Р. Ответственность за групповые преступления . - Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1975.

OSAVÕTT SOTSIALISTLIKU VARA RIISUMISEST

J. Sootak

I. Riisumisest osavõtu probleemide uurimine on arusaadavalt seotud kuriteost osavõtu mõiste uurimisega tervikuna. Samal ajal on mitmeid põhjusi, mis teevad vajalikuks riisumisest osavõtu küsimuste omaette käsitlemise. Esiteks, kuriteost osavõtu üldküsimuste uurimisel väljatöötatud seisukohtade kontrollimine, nende kohaldamine üksikküsimuste lahendamisel. Teiseks, riisumiste kui ohtlike kuritegude vastu peetava kriminaalõigusliku võitluse tõhustamine. Kolmandaks, riisumisest osavõtu kõrgem ühiskonnaohtlikkus.

II. Erialakirjanduses on vaieldud, kas kuriteo toimepanemine mitme isiku poolt muudab kuriteo ohtlikumaks või mitte /14, lk. 18 - 19/. Viimasel ajal on siiski poleemikast loobutud ning jõutud seisukohale, et kuigi kuriteo toimepanemine mitme isiku poolt on üldiselt ohtlikum kuriteost, kus osaleb vaid üks isik (näiteks riisumise toimepanemine isikute grupi eelneval kokkuleppel on vastutust raskendav koosseisuline asjaolu), võib teatud juhtudel kuriteost osavõtt anda tunnistust ka mõne osavõtja väikesest ühiskonnaohtlikkusest (näiteks alaealine, kelle täisealine on kaasa tõmmanud kuriteole) /2, lk. 5/. Kuriteost osavõtu diferentseeritud käsitlemine ei tähenda aga nõustumist M. Šargorodski seisukohaga, et kuriteost osavõtt ei raskenda ega kergenda vastutust /17, lk. 85/.

Ülalöeldu kehtib ka riisumisest osavõtu ühiskonnaohtlikkuse kohta. Riisumine isikute grupi eelneval kokkuleppel on koosseisuline vastutust raskendav asjaolu vastavalt ENSV KrK² §-dele 88 lg. 2 p. 1; 89 lg. 2 p. 2; 90 lg. 2 p. 2; 91 lg. 2 p. 1, ja 93 lg. 2 p.1. Kirjanduses avaldatud arvanded lubavad väita, et riisumised pannakse võrdlemisi sageli toime mitme isiku poolt. Näiteks suur osa sotsialistliku va-

² Edaspidi KrK.

ra riisumisi suures ja eriti suures ulatuses pannakse toime isikute gruppide poolt, kellest 85,5 % on tegutsenud üle aasta /11, lk. 221/. P. Telnovi andmetel pannakse 92,3% riisumisi suures ja eriti suures ulatuses toime mitme isiku poolt. Omastamise, raiskamise või ametiseisundi kuritarvitamise teel toimepandud riisumistest moodustavad mitme isiku poolt toimepandud riisumised 84,2 % /14, lk. 20/.

III. Riisumisest osavõtu mõiste tuleneb otseselt kuriteost osavõtu mõistest. KrK § 17 lg. 1 järgi on kuriteost osavõtt kahe või enama isiku tahtlik ühine osavõtmise kuriteo toimepanemisest. Et toodud formuleering on tautoloogiline ("osavõtt on ... osavõtmine ..."), käibib kirjanduses kuriteost osavõtu mõiste definitsioone, mis säilitavad seaduses toodud osavõtu mõiste sisulised tunnused, kuid väldivad tautoloogiat. Näiteks P. Telnov määratleb kuriteost osavõttu kui tahtliku kuriteo toimepanemist kahe või enama isiku ühiste teadlikult ühendatud tegudega.* I. Rebane annab kuriteost osavõtu mõiste selliselt: kahe või enama isiku tahtlik ühine koostegutsemine tahtliku kuriteo toimepanemisel /2, lk. 3/.

Riisumisest osavõtt on seega kahe või enama isiku tahtlik ühine koostegutsemine riisumise toimepanemisel.

Riisumisest osavõtu mõiste edasisel avamisel vaatleme selle objektiivseid ja subjektiivseid tunnuseid.

IV. Riisumisest osavõtu objektiivsed tunnused on kahe või enama isiku olemasolu ning osavõtjate tegevuse ühtsus (koostegutsemine).

Kui võrd osavõtt tähendab kahe või enama isiku koostegutsemist kuriteo toimepanemisel, siis järelikult saame rääkida kahest või enamast isikust, kes on kuriteo subjektid, s. t. süüdivad ja KrK §-s 10 ettenähtud vanuses olevad. Selles seisukoht on omaks võetud ka õppekirjanduses /12, lk. 217 - 218/. Teaduskirjanduses ja kohtupraktikas on aga avaldatud ka seisukohta, et kuriteost osavõtt pole välistatud neilgi juhtudel, mil kahest isikust ainult üks vastab kuriteo subjekti tunnustele, teine on aga näiteks süüdimatu või

* Originaalis: "Соучастием признается совершение умышленного преступления совместными сознательно объединенными действиями двух или более лиц" (14, lk. 12).

lapseealine /4, lk. 21 - 22/. Sellised seisukohad tulenevad eelkõige NSV Lõidu Ülemkohtu pleenumi 25. märtsi 1964. a. määrusest "Kohtupraktikast vägistamisasjades", mille p. 10 ütleb, et grupilise vägistamise organiseerinud isikute teod tuleb kvalifitseerida grupilise vägistamisena, sõltumata sellest, et teised osavõtjad vastavalt kriminaalseadusandlase aluste §-le 10 ei olnud kriminaalvastutusele võetud /18, lk. 195/. Vene NFSV Ülemkohtu pleenumi 22. märtsi 1966. a. määruses "Avaliku varguse ja röövimisasjade kohtupraktikast" on samuti öeldud, et isik vastutab grupilise avaliku varguse või röövimise eest, vaatamata sellele, et ülejäänud osavõtjad on Vene NFSV KrK § 10 (ENSV KrK § 10) alusel või muudel seaduses ettenähtud alustel kriminaalvastutusest vabastatud /26, lk. 200/. Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi 30. jaanuari 1963. a. määruses "Kohtupraktikast avaliku varguse ja röövimise asjades" aga sellist seisukohta ei ole /19, lk. 190 - 192/.

NSV Lõidu ja Vene NFSV Ülemkohtu seisukohtadega ei saa nõustuda. Põhjus on eelkõige selles, et antud juhul puudub kahe või enama isiku tahtlik koostegutsemine, puudub ühine süüline rünne, nagu õigesti märgib P. Telnov /14, lk. 23 - 26/. Süüdiv ja süüdimatu, resp. täis- ja lapseealine tegutsevad küll faktiliselt koos, kuid et üks isik pole kuriteo subjekt, siis puudub ka isikute grupi eelnev kokkulepe kui süüline käitumine.

Seega saame riisumisest osavõtust (nagu kuriteost osavõtust üldse) rääkida vaid kahe või enama isiku olemasolul, kes on kuriteo subjektid vastavalt KrK §-dele 10 ja 11. Kui näiteks salajase varguse panevad toime täisealine ja lapseealine, vastutab täisealine KrK § 88 lg. 1 järgi (muude vastutust raskendavate koosseisuliste asjaolude puudumisel), samuti alaealise kuriteole kaasatõmbamise eest § 202 järgi. Samade paragrahvide järgi vastutab täisealine ka siis, kui ta kihutab lapseealise riisumisele, kuid salajase varguse osas on nüüd tegemist vahendliku täideviimisega.

I. Hakimovi andmetel pannakse praktiliselt iga teine riisumine toime grupi poolt, kuhu kuulub 3 - 5 isikut /16, lk. 17/. P. Telnovi andmed näitavad, et grupilistes salajastes vargustes, avalikes vargustes ja röövimistes (KrK §-d 88 ja 139, 89 ja 140, 90 ja 141) on kõige rohkem kaheliikmelisi gruppe - vastavalt 64, 53,1 ja 39 % juhtudest. Viie-

ja enamaliikmelisi gruppe on kõige rohkem röövimise toimepanemisel (29 %). Kõige väiksemad on grupid kelmuse toimepanemisel: kaheliikmelisi 84 % ja kolmeliikmelisi 16 %. Omastamise, raiskamise või ametiseisundi kuritarvitamise teel toimepandud riisumistel on suurim osavõtjate arv viis - 54,7 % /14, lk. 26/.

Osavõtjate tegevuse ühtluse all mõeldakse osavõtjate kooskõlastatud, vastastikku tingitud tegevust. Riisumisest osavõtjate tegevuse vastastikune tingitus seisneb riisumisvormi, riisumisobjekti, riisumisliigi ja riisumise toimepanemise ajalises kooskõlastatuses.

Kõigi isikute tegevust peab iseloomustama osavõtt ühest ja samast riisumisvormist.^{*} Kui üks osavõtjatest väljub kokkulepitust (näiteks kaasaaitaja lubas eelnevalt realiseerida salajase varguse teel riisunud vara, täideviija paneb aga vara hankimiseks toime röövimise), pole tegemist kuriteost osavõtiga, asjaosaliste vastutus järgneb vastavalt täideviija ekstsessi kvalifitseerimise eeskirjadele. Lahtine on osavõtu kvalifitseerimise küsimus aga siis, kui riisutu väärtus ületab 10 000 rbl., s. t. tegemist on eriti suures ulatuses riisumisega (KrK § 93¹). Teatavasti kuulub süüdlase tegevus kvalifitseerimisele nimetatud paragrahvi järgi ka siis, kui erinevad episoodid on toime pandud erinevates riisumisvormides ja ühtse tahtluseta. I. Hakimov leiab, et eriti suures ulatuses riisumisest osavõtiga on tegemist ainult neil juhtudel, mil kõigi osavõtjate tegevusele on iseloomulikud ühe ja sama riisumisvormi tunnused /16, lk. 31/. Tundub, et antud juhul on tegemist kollisiooniga kuriteost osavõtu üldmõiste ja eriti suures ulatuses riisumisest osavõtu mõiste vahel. Kui eelistada kuriteost osavõtu kvalifitseerimise üldreegleid, tuleb ülalöelduga nõustuda. Võttes aga lähtepunktiks eriti suures ulatuses riisumise kvalifitseerimise erireeglid, tuleb tunnistada näiteks eriti suures ulatuses riisumisele kaasaaitajaks isiku, kes eelneva lubaduse alusel

* Käesolevas artiklis ühinetakse õppe- ja teaduskirjanduses levinud seisukohaga, et sotsialistliku vara isiklikuks kasuks pööramise viise, s. t. salajast ja avalikku vargust, röövimist, kelmust, riisumist omastamise, raiskamise ja ametiseisundi kuritarvitamise teel nimetatakse riisumisvormideks; riisutu ulatus väljendub riisumialliigie /vt. näiteks? lk. 89 - 90; 13, lk. 86, 94/.

realiseeris riisutud vara ning oli teadlik 10 000 rubla piiri ületamisest, olenemata sellest, millistes riisumisvormides kuritegu oli toime pandud. Viimane seisukoht näib õige-
na. Eriti suures ulatuses riisumist tuleb vaadelda erijuhtu-
mina kõikide teiste riisumisliikide suhtes. Seega on ka eri-
ti suures ulatuses riisumisest osavõtt riisumisest ja üldse
kuriteost osavõtu erijuhtum, nagu mitme-episoodiline eriti
suures ulatuses riisumine on jätkuva riisumise erijuhtum.
Üld- ja erinormi kollisiooni korral tuleb aga teatavasti ala-
ti kohaldamisele erinorm.

Riisumisest osavõtt on võimalik vaid siis, kui kuriteost
osavõtjad on suunanud oma tegevuse ühtse kuritegeliku taga-
järje põhjustamisele. Et kuriteo tagajärg kujutab endast ühis-
kondlikele suhetele kui kuriteo objektile põhjustatud kahju,
siis saame riisumisest osavõttust rääkida ainult nende isiku-
te puhul, kes tegutsevad tahtlikult ühiselt ühe ja sama ob-
jekti vastu. I. Hakimov märgib selles seoses täiesti õiges-
ti, et isiku käitumise kvalifitseerimisel kuriteona tuleb cu-
vastada kõik koosseisuelemendid, kaasa arvatud vahetu objekt.
Ilma selleta ei saagi rääkida konkreetsest kuriteost ja kri-
minaalvastutusest selle toimepanemise eest /16, lk. 31/. A.,
kes osaleb B-ga samas kuriteosündmuses, näiteks kauplusse
sissemurdmises, ei saa vastutada osavõtu eest sotsialistliku
vara riisumisest, kui ta arvas, et riisutav vara kuulub mit-
te kauplusele, vaid müüjale.

Riisumisliigi kooskõlastatus tähendab eelkõige seda, et
iga riisumisest osavõtja vastutab riisumise eest kogu summa
ulatuses, mille kohta oli eelnev kokkulepe teiste osavõtja-
tega, olenemata osade jaotusest kuriteo toimepanemisel.³⁸

Riisumisest nagu igast muustki kuriteost osavõtt on
võimalik kuni kuriteo lõpuleviimiseni. Kuriteo faktiline ja
juriidiline lõpuleviimine ei tarvitse aga alati kokku lange-
da. Näiteks on röövimine riisumise eesmärgil juriidiliselt
lõpule viidud vägivalla kasutamise või sellega ähvardamise-
ga vara hõivamise eesmärgil. Faktiliselt on röövimine lõpule
viidud aga vara hõivamisega. Sellistel juhtudel lähtutakse
osavõtuküsimuse lahendamisel kuriteo faktilisest lõpulevi-

³⁸ Kuriteo kvalifitseerimise kohta sellistel juhtudel vt.
täpsemalt 1, eriosa pt. 2. sissejuhatuse komm. 21 "d" ja "e"
ning 26.

misest. Järelikult vastutavad röövimisest osavõtjatena ka need isikud, kes lülituvad vara hõivamisse näiteks pärast seda, kui üks osavõtjatest on noaga ähvardades nõudnud kannatanult raha. Isikute tegevust, kes realiseerivad riisitud vara või varjavad kurjategijat, tuleb kvalifitseerida kuriteost osavõtuna ainult siis, kui selle kohta oli eelnev kokkulepe. Eelneva kokkuleppe puudumisel võib olla tegemist kuriteo varjamise, kuriteost mitteteatamise või teadvalt kuritegelikul teel saadud vara omandamise või turustamisega (vastavalt KrK §-d 180, 181 või 203).

Osavõtjate tegevuse vastastikune tingitus tähendab mitte ainult tegevuse, vaid ka tegevusetuse kooskõlastatust. Riisumine ise on ainult tegevusega toimepandav kuritegu, kuid riisumisest osavõtjate käitumine võib seisneda ka tegevusetuses. Näiteks vastutab riisumisele kaasaaitamise eest valvur, kes kokkuleppel täideviijaga jätab lao valveta, kõrvaldades sel teel takistuse. Riisumisele kaasaaitaja on ka revident, kes vastavalt eelnevale kokkuleppele ei teata kontrollimisel avastatud puudujäägist või muust seaduserikkumise, samuti kui ta jätab teatud dokumendid või operatsioonid üldse kontrollimata jne.

V. Riisumisest osavõtu subjektiivsed tunnused on tahtlus, subjektiivne seos osavõtjate vahel ning subjektiivne seos raskendavate asjaoludega.

Kuriteost osavõtt on tahtlik tegu, nagu see tuleneb osavõtu legaaldefiniitsioonist (KrK § 17 lg. 1). Vaeeldav on aga küsimus tahtluse liigist - kas osavõtt nõuab ainult otsesest tahtlust või on ta võimalik ka kaudse tahtlusega. Riisumisest osavõtu korral langeb see probleem ära täideviija puhul, sest riisumine on toime pandav ainult otsese tahtlusega. Ka kuriteo organiseerimine ja kuriteole kihutamine kaudse tahtlusega pole mõeldav. Seega taandub riisumisest osavõtu tahtluse küsimus ainult riisumisele kaasaaitamise süüliigile. Kirjanduses on enam levinud seisukoht, et kuriteost osavõtt pole välistatud ka kaudse tahtlusega. Siin lahutakse eeldusest, et seadus (KrK § 17 lg. 1) räägib tahtlikust ühisest osavõtmisest, tegemata mingeid kitsendusi, mis välistaksid kaudse tahtluse. Selle seisukohaga tuleb nõustuda. P. Telnovi andmetel pannakse kõik organiseerimised ja kihutamised toime otsese tahtlusega, täideviijate te-

gevuses on otsese tahtluse osatähtsus 98,1 %, kaasaaitajad on tegutsenud kaudse tahtlusega 13,3 % juhtudest /14, lk. 47/. Kaudse tahtlusega kaasaaitamine riisumisele on mõeldav näiteks ametiisiku poolt, kes kuritarvitab oma ameti seisundit mingil konkreetsel eesmärgil (näiteks puudujäägi varjamiseks), kuid saab aru, et selle teoga aitab ta kaasa riisumise toimepanemisele. (Näiteks laojuhataja võltsib dokumente, et varjata lohakusest tekkinud puudujääki. Tema teadmisel tegutsev laohoidja paneb toime riisumise. Laojuhataja tegutses eesmärgil varjata puudujääki, kuid ta mõniskis, et dokumente võltsides kõrvaldab ta takistuse riisumiseks.)

Subjektiivne seos osavõtjate vahel tuleneb osavõtjate tegevuse ühtsusest kui kuriteost osavõtu mõiste konstitueerivast tunnusest. Nimetatud tunnus omakorda tähendab, et osavõtjate teod peavad olema vastastikkülgsete ja kooskõlastatud. Seadusest tuleneb, et osavõtt on kahe või enama isiku ühine tegu. Seepärast ei saa nõustuda seisukohaga, et osavõtu jaoks pole oluline täideviija teadmine kihutaja või kaasaaitaja olemasolust ja nende tegevusest /8, lk. 596, 623/. Näiteks müüja, kellel on tekkinud puudujääk, saab teada, et A. kavatses öösel kauplusesse sisse murda. Ta jätab õhtul kauplusest lahkudes signalisatsiooni sisse lülitamata. A. ei ole müüja tegevusest teadlik. Müüja tegu ei saa antud juhul vaadelda A. poolt toimepandud riisumises kaasaaitamisena. Objektiivselt kõrvaldas müüja tõepoolest takistuse, kuid müüja ja A. tegude vahel puudub vastastikkune seos. Ühepoolne subjektiivne seos on aga osavõtu olemasoluks ebapiisav. Müüja tegevust tuleb antud juhul kvalifitseerida kuriteo ettevalmistamisena, sest ta lõi tingimused kuriteoks.

Kokkulepe osavõtjate vahel võib teatud piirides muutuda. Näiteks A. ja B. leppisid kokku varguse toimepanemiseks. A. jäi aga magama ning B. pani kuriteo üksi toime. Ta tõi varastatud asjad A. juurde, kes peitis need ära ning tõi sünnimuskohalt ära kirve, mille B. oli sinna unustanud. A. võeti vastutusele eelnevalt lubatud varjamise, s.t. vargasele kaasaaitamise eest /21/. Selle lahendusega tuleb nõustuda. Eelnev lubadus panna kuritegu koos toime kandes üle kuriteo varjamisele, A. realiseeris sisuliselt varem antud lubaduse.

Käsitletavast probleemistikust lähtudes võime vamtutust raskendavad koosseisulised asjaolud jaotada kahte maurde ~~ma~~ ma: a) tegu, selle objektiivseid ja subjektiivseid tunnuseid iseloomustavad asjaolud (näiteks riisumine ruumi või muusse hoidlasse sissetungimise teel, riisumine suures ulatuses); b) subjekti iseloomustavad asjaolud (riisumine isiku poolt, kes on varem toime pannud varavantase või muu kuriteo, mis on tähendatud KrK §-s 88 lg. 2 p. 2, eriti ehtlik retsidivist).

Siinjuures tekib küsimus, kuidas kvalifitseerida oma-võtjate käitumist, kui ühe teos on raskendavaid asjaolusid, teise teos aga mitte. Kehtib üldine põhimõte, et tegu iseloomustavad raskendavad asjaolud, mis ilmnevad täideviija käitumises, inkrimineeritakse ka teistele osavõtjatele. Näiteks kui A. annab B-le muukraua, et see murraks sisse kaupluse ning B. seda ka teeb, vastutab B. kui täideviija KrK § 88 lg. 3 järgi, A. aga sellele kuriteole kaasaaitajana §-de 17 lg. 6, ja 88 lg. 3 järgi. Kuriteo subjekti iseloomustavate raskendavate asjaolude inkrimineerimine on aga kirjanduses vaieldav. Valdav on seisukoht, et ühte isikut iseloomustavad raskendavad asjaolud võivad olla inkrimineeritud ainult sellele isikule, mitte aga teistele osavõtjatele.² Näiteks kui kuriteo täideviija on isik, kes on varem toime pannud riisumise, vamtutab ta antud riisumise eest Krk § 88 lg. 2 p. 2 järgi, kihutaja aga §-de 17 lg. 5, ja 88 lg. 1 järgi.

On teinegi seisukoht, mille kohaselt isikut iseloomustavad raskendavad asjaolud tuleb inkrimineerida ka teistele osavõtjatele, kui nad muidugi olid neist teadlikud. /6, § 17 kom. 20/. Seega eelmises näites toodud juhul vamtutab kihutaja KrK §-de 17 lg. 5, ja 88 lg. 2 p. 2 järgi. Vaadeldav seisukoht on ilmselt õigem. Varem kuriteo toimepannud isik on ohtlikum, tema poolt toimepandud kuritegu tekitab ühiskondlikele suhetele suuremat kahju. Kaasaaitaja, kes teab, et täideviija on varem toime pannud riisumise, aitab teadlikult kaasa ehtlikuma kuriteo toimepanemisele, ning tema käitumise kvalifikatsioonis peab see olema kajastatud.

² Siinjuures tehakse vahet isikut iseloomustavate raskendavate asjaolude ja erisubjekti tunnuste vahel. Viimased tulevad inkrimineerimisele ka teistele osavõtjatele, kui nad olid sellest teadlikud. Vt. näiteks 15, lk. 65 - 67; 8, lk. 630.

Eeltoodud näidetes iseloomustasid raskendavad asjaolud kuriteo täideviija tegu. On aga võimalik, et täideviija paneb toime riisumise ilma raskendavate asjaoludeta, kaasaaitaja on aga isik, kes on varem toime pannud riisumise. Kirjanduses on tehtud ettepanek kvalifitseerida kaasaaitaja käitumine sel juhul raskendavatel asjaoludel toimepandud riisumisest osavõtuna /8, lk. 629/. Sellega ei saa nõustuda, sest kaasaaitaja võtab osa riisumisest, mis pannakse toime ilma raskendavate asjaoludeta. Fakt, et kaasaaitaja on varem toime pannud kuriteo, tuleb arvestamisele karistuse mõistmisel vastavalt KrK §-le 38 p. 1.

VI. Kuriteost osavõtu üks vorme on kaassüüdlus. Et kaassüüdlus isikute grupi eelneval kokkuleppel on riisumise eest vastutust raskendav asjaolu, siis peatume sellel lähemalt.

Riisumisega isikute grupi eelneval kokkuleppel on tegemist siis, kui osavõtjad on saavutanud kokkuleppe enne kuriteo jõudmist katsestaadiumi, s. t. kuriteo ettevalmistamise staadiumis. Ühe isiku lülitumine kuriteosse selle toimepanemise käigus ei kujuta endast riisumist isikute grupi eelneval kokkuleppel ning muude raskendavate asjaolude puudumisel vastutavad kõik täideviijad näiteks KrK § 88 lg. 1 järgi.

Probleemid tekivad aga siis, kui on tegemist kahe kuriteoepisoodiga, millest esimene, mis pannakse toime üksinda, jääb lõpule viimata, teine aga viiakse lõpule koos. G. Kriiger ja V. Ustinov väidavad, et kui isik üritab toime panna riisumist, kuid veendub, et üksi pole see talle jõukohane, ning lepib kuriteo lõpuleviimises kokku teisega, tuleb see tegu kvalifitseerida riisumisena isikute grupi eelneval kokkuleppel /7, lk. 218; 15, lk. 80/. Selle seisukohaga ei saa nõustuda. Küsimuse lõplik lahendus taolistel juhtudel tuleb viia sõltuvusse esimese episoodi katkemise põhjustest, samuti jätkuva ja korduva riisumise mõistest. Kui esimene episood kujutab endast vabatahtlikku loobumist (süüdlasel oli võimalus kuritegu lõpule viia, kuid ta otsustas seda mitte teha), ei saa ta selle eest vastutada. Teine episood kujutab endast uut kuritegu uue tahtlusega ning sellele eelnev kokkulepe teise isikuga on riisumise eest vastutust raskendav asjaolu vastavalt näiteks KrK §-le 88 lg. 2 p. 1. Et vabatahtlik loobumine välistab vastutuse, ei saa antud juhul

rääkida korduvusest. Seepärast on välistatud esimese isiku teo kvalifikatsioon KrK § 88 lg. 2 p. 2 järgi. Katkeb esimene episood aga süüdlase tahtest mitteolenevatel põhjustel (näiteks pole kuriteo lõpuleviimine üksi võimalik, ilmuvad kõrvalised isikud vms.), ning kuritegu üksi alustanud isik värbab endale teo lõpuleviimiseks kaasosalise, on tegemist jätkuva kuriteoga. Sellesse lülitunud teine isik ei pane kuritegu toime eelneval kokkuleppel esimesega. Puudub ka korduvus, sest tegemist on ühe tahtluse realiseerimisega, ühe jätkuva kuriteoga. Muude raskendavate asjaolude puudumisel tuleb mõlema isiku käitumine kvalifitseerida näiteks KrK § 88 lg. 1 järgi.

Mõningatel juhtudel võib vaadeldav küsimus taanduda kuriteo toimepanemise alguse tuvastamisele. Kõne alla tuleb nn. vasakkauba realiseerimine. Näiteks laojuhataja A. otustas ära müüa tema käsutuses oleva 478 kg liha 908 rbl. väärtuses. Ta peitis liha õhtul autosse, viis selle järgmisel hommikul laost välja kauplusse, kus töötas tema tuttav B. Viimane realiseeris kaupluses liha 760 rbl. eest, raha jagati omavahel. Esimese astme kohus kvalifitseeris A. ja B. teo riisumisena isikute grupi eelneval kokkuleppel. NSV Liidu Ülenkohus muutis kohtuotsuse ning kvalifitseeris A. teo ümber riisumisena ilma raskendavate asjaoludeta, B. käitumise aga teadvalt kuritegelikul teel saadud vara eelnevalt mittelubatud turustamisena.² Antud juhul pani riisumise toime A. üksi, B. realiseeris riisutu. Vastupidise juhtumiga on tegemist, kui näiteks autojuht-ekspediitor toimetab talle usaldatud kauba ebaseaduslikult kauplusse, kus see kokkuleppel müüjaga realiseeritakse. Antud juhul algab kuritegu kauba toimetamisega kauplusse ning selle panevad toime autojuht ja müüja koos.

VII. Mitmed riisumisest osavõtuga seotud probleemid tekitavad seoses osavõtuga kitsamas mõttes. Järgnevalt vaatleme üsikut riisumisest osavõtjate tegevuse kvalifitseerimist.

² Ülenkohus juhtis antud asjas tähelepanu veel sellele, et riisumisvorm pole mitte raiskamine (s.t. vara ebaseaduslik võõrandamine A. ja B. poolt), vaid vara omastamine laojuhataja A. poolt, mis viidi lõpule liha väljaviimisega territooriumilt /25, lk. 24 - 25; vt. ka 9, lk. 13 - 14/.

Kuriteo organisaatori käitumise kvalifitseerimisel tuleb arvestada, et sageli on üks kuriteo kaastäideviijaid ka kuriteo organisaator. P. Telnovi andmetel võtab 97 % kuriteo organisaatoritest hiljem osa ka selle täideviimisest. Kui vaadeta kuriteo organisaatorite ja täideviijate jaotumist kuriteoliikide järgi, selgub, et kuriteo täideviimisest osavõtvate organisaatorite osatähtsus on kõige suurem sotsialistliku vara riisumiste korral - 34,8 %. Järgnevad kuriteod kodaniku isikliku vara vastu (29,4 %), edasi tapmised ja vägistamised (25,3 %). Ülejäänud kuriteoliikidele langeb kõigest 10,5 % /14. lk. 83 - 84/. Seega näeme, et teistest kuritegudest enamorganiseeritud on just varavastased kuriteod, eelkõige kuriteod sotsialistliku vara vastu. Vaadeldavatel juhtudel ei kajastu aga organisaatori tegevus kuriteo kvalifikatsioonis. KrK § 17 lg. 7 järgi peab kohus karistuse mõistmisel arvestama iga isiku osavõtuastet ja -iseloenu. Selle nõude realiseerimiseks tuleb süüdistuses ja kohtuotsuses täpselt näidata, millal on grupilise riisumise korral tegemist tavalise kaassüüdlusega, millal on üks kaastäideviijatest ka kuriteo organisaator.

Kihutaja teo kvalifitseerimisel viidatakse KrK §-le 17 lg. 5 ainult siis, kui ta ise kuriteo toimepanemises ei osalenud. Täideviija tegu KrK § 17 lg. 3 järgi ei kvalifitseerita. Sellest üldtunnustatud seisukohast on aga kirjanduses tehtud ettepanek loobuda. Nimelt on väidetud, et kui kuriteo toimepanemisest võtab osa kaks isikut, kellest üks on kihutaja, teine täideviija, tuleb mõlema osas viidata lisaks eriosa vastavale paragrahvile ka üldosa paragrahvile, mis käsitleb vastutust kuriteost osavõtu eest (KrK § 17), seega ka täideviija teo kvalifitseerimisel §-le 17 lg. 3. Mõnetatud kvalifikatsioon fikseerivat sel teel täpselt kuriteo toimepanemise koos teiste osavõtjatega /5, lk. 24 - 25/. Selle ettepanekuga ei saa nõustuda. Kuriteo kvalifitseerimisel ei ole paratamatult võimalik kajastada kõiki tehiloulusid, selleks on süüdistus ja kohtuotsus, lõppkokkuvõttes kogu kriminaaltoimik. Täideviija teo kvalifitseerimine ainult eriosa vaetava paragrahvi järgi kajastab piisavalt tema poolt toimepandud teo ühiskonnaohtlikkust.

Kui kuriteole kallutatakse isik, kes ei ole kuriteo subjekt, on tegemist vahendliku täideviimisega ning kihutaja vastutab kuriteo täideviimise eest. On aga võimalik, et riis-

sumise toimepanemisel kasutatakse ära teise isiku teadmist või alluvusvahetkorda. Ka sel juhul on tegemist vahendliku täideviimisega, kuid lisaks vahendlikule täideviijale võib vastutada ka kuriteovahendiks olev isik /1, § 17 komm. 11 "c"/.

Näiteks, kui ametiisik annab riisumise eesmärgil alluvale korralduse, mille seadusevastasusest viimane eru ei saa, tähendab korralduse täitmine sotsialistliku vara ebaseaduslikku pööramist ametiisiku isiklikuks kasuks. Alluv on kuriteovahend, ametiisik vahendlik täideviija.

Kui ametiisik annab riisumise eesmärgil alluvale korralduse, mille ebaseaduslikkusest alluv saab küll aru, kuid ta ei saa aru sellest, et korralduse täitmine on riisumine, on alluv sisuliselt riisumisvahend.

Kui alluv saab aru nii ülema ebaseaduslikust korraldusest kui ka selle seosest riisumisega, vastutavad mõlemad olenevalt tehjoludest kas riisumise eest isikute grupi eelneval kokkuleppel või üks täideviijana, teine kaasaaitajana.

Esimesel juhul võib kõne alla tulla ka alluva kriminaalvastutus, näiteks oma kohustuste rikkumise eest riigi või ühiskonna vara valve alal (KrK § 99) või ametialase lohakuse eest (§ 162), kui alluv oli samuti ametiisik.

Täideviija ja kaasaaitaja tegevuse piiritlemisel teki-
vad probleemid seoses teadvalt riisutud vara omandamise või turustamisega. Vastavalt NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 11. juuli 1972. a. määruse "Kohtupraktikast riigi- ja ühiskonnavara riisumise asjades" p-le 13 "tuleb riisumisest osavõtuna kvalifitseerida teadvalt riisutud vara eelnevalt lubatud omandamist ja sellise vara eelnevalt lubatud realiseerimist ning samalt riisujalt saadud vara süstemaatilist omandamist isiku poolt, kes tunnistab, et selline tegevus annab riisujale aluse arvestada riisutu omandaja kaasabile selle vara turustamisel." /20, lk. 179/.

Seega saame vahet teha kahe teo vahel.

Esiteks, riisutud vara eelnevalt lubatud omandamine või turustamine, s. t. omandamine või turustamine eelneva kokkuleppe alusel. Antud tegu loetakse riisumisele kaasaaitamiseks, olenemata omandamise eesmärgist (ka näiteks kingina).

Teiseks, riisutud vara süstemaatiline omandamine või turustamine ilma sellekohase igakordse eelneva kokkuleppe ta. Süstemaatiline omandamine loetakse riisumisele kaasaai-

tamiseks vaid siis, kui sellel on turustamise eesmärk (pleenumi määruse sõnastuses: "... et selline tegevus annab riisujale aluse arvestada riisutu omandaja kaasabile selle vara turustamisel.").

Pleenumi määruse sama punkt ütleb veel: "Kni teadvalt kuritegelikul teel saadud vara omandamine oli seotud riisumisele kihutamise, tuleb viimases süüdlaste teod kvalifitseerida osavõtuna riisumisest." Siinjuures jääb lahtiseks küsimus, kas kvalifitseerida süüdlase tegu riisumisele kihutamisenä või kaasaaitamisenä. Sisuliselt on siin tegemist kuriteo toimepanemise otsuse esilekutsumisega, seega kuriteole kihutamise. Samal seisukohal on ka kohtupraktika. Näiteks H. tegi A-le ettepaneku varastada kolhoosi veskest 400 kg jahu 100 rbl. 80 kop. väärtuses. Varastatud jahu tõi A. H. koju, kes andis talle selle eest pudeli viina. Rahvakohus kvalifitseeris A. ja H. käitumise riisumisena isikute grupi eelneval kokkuleppel vastavalt KrK §-le 88 lg. 2 p. 1. Eesti NSV Ülemkohtu kriminaalasjade kohtukolleegium jättis kohtuotsuse muutmata. Eesti NSV prokuröri asetäitja järelevalveprotesti alusel muutis Eesti NSV Ülemkohtu presiidium rahvakohtu otsuse ning kvalifitseeris A. teo KrK § 88 lg. 1, H. teo aga §-de 17 lg. 5, ja 88 lg. 1 järgi /22, lk. 314/.

Kohtupraktikas on loetud röövimisele kaasaaitamiseks kaasabi osutamine kuriteo organisatorile kaasosalise otsimisel. D. keeldus liitumast grupiga, kes plaanitses röövimist, kuid otsis kuriteo organisatori palvel endale asendaja Z., kelle viis oma korteris kokku organisatoriga /23, lk. 7/. Selle lahendusega tuleb nõustuda, sest niisugune kaasosalise otsimine ei ole vähem ohtlik kuriteoriista või -vahendi andmisest, samuti nõuandest või juhatusest.

NSV Liidu Ülemkohtu pleenum annab oma 11. juuli 1972. a. määruses juhise valvetöötaja käitumise kvalifitseerimiseks, kes aitas riisumise toimepannud isikul valvatavalt territooriumilt riisutut välja viia. Määruse p-s 10 lg. 2 öeldakse, et sellisel juhul vastutab valvetöötaja riisumisest osavõtu eest /20, lk. 178/. See on aga üldine juhise, mis vajab konkretiseerimist.

Kui valvur tegutseb kokkuleppel teise isikuga vara enda valdusse võtmisel ja väljaviimisel territooriumilt, vastutavad mõlemad riisumise kaastäideviijatena. Aitab aga valvur territooriumilt välja viia vara, mille teine isik on eelne-

valt võtnud enda valdusse, sõltub kvalifikatsioon sellest, kas riisumine on lõpule viidud või ei. Tavaliselt on riisumine valvatavalt territooriumilt lõpule viidud vara väljaviimisega sellelt territooriumilt. Eelneva kokkuleppe olemasolul tegutseb valvur seega koos teise isikuga vara isiklikuks kasuks pööramisel, s. t. tegemist on kaastäideviimisega. Pole aga ka välistatud, et riisumine on lõpule viidud vara enda valdusse võtmisega, sõltumata selle väljaviimisest territooriumilt (näiteks väikesed esemed v.a. esemed, mida saab ka territooriumil kasutada). Sellisel juhul vastutab valvur eelnevalt lubatud varjamise, seega kuriteole kaasaaitamise eest, kui ta aktiivselt aitas riisutut territooriumilt välja viia.

Kui aga valvuri ja teise isiku vahel puudub eelnev kokkulepe riisumiseks ning kuritegu pannakse toime koos tegutsedes, vastutab valvur küll kuriteo täideviijana, kuid ilma KrK §-s 88 lg. 2 p. 1 toodud raskendava koosseisulise asjaoluta (seega muude raskendavate asjaolude puudumisel näiteks § 88 lg. 1 järgi). Kui valvur aitab territooriumilt välja viia vara, mille teine isik oli eelnevalt võtnud enda valdusse ning kuritegu viiakse lõpule vara väljaviimisega territooriumilt, vastutab valvur eelnevalt mittelubatud varjamise eest KrK § 180 järgi.

VIII. Lisaks vaadeldud probleemidele tuleb peatuda ka mõnedel osavõtjate vastutuse eriküsimustel.

1. Ekstsess tähendab ühe kuriteost osavõtja teo väljumist nendest tegevuspiiridest, mille kohta oli kokkulepe (näit. täideviija paneb kokkulepitud salajase varguse asemel toime röövimise). Isik, kelle tegu väljus kokkulepitust, vastutab tegelikult toimepandu eest, teised osavõtjad aga vastavalt kokkulepitule. Ülaltoodud näites vastutab täideviija röövimise eest näiteks KrK § 90 lg. 1, kaasaaitaja aga §-de 17 lg. 6, ja 88 lg. 1 järgi. Enamasti on tegemist täideviija ekstsessiga, kuid pole välistatud ka muu osavõtja, näiteks kaasaaitaja ekstsess. Viimasega on tegemist näiteks juhtumil, kui kaasaaitaja peab kõrvaldama takistuse riisumiseks, lülitades välja signalisatsiooni, tekitab aga ootamatult ilmunud valvurile kehavigastuse.

Ekstsess jaotatakse tavaliselt kvantitatiivseks (toimepandud tegu erineb kokkulepitust kvantitatiivsete tunnus-

te, näiteks raskendavate asjaolude poolest) ja kvalitatiivseks (pannakse toime teine tegu, mis erineb kokkulepitust kvalitatiivselt). Riisumisest osavõtu korral on aga otstarbekas teha vahet kolmesuguse ekstsessi vahel: kvalitatiivne ekstsess, ekstsess ühe riisumisvormi piires, ekstsess üleminekuga ühelt riisumisvormilt teisele /16, lk. 205/. Selline ekstsesside liigitus võimaldab kuriteost osavõtjate tegevust paremini analüüsida ja seega ka täpsemini kvalifitseerida. Kvalitatiivne ekstsess tähendab riisumise asemel mõne teise teo toimepanemist (näiteks salajase varguse asemel tapmine) või mõne teise teo asemel riisumise toimepanemist (näiteks väljapressimise asemel röövimine). Ekstsess ühe riisumisvormi piires tähendab seda, et täideviija paneb küll toime kokkulepitud riisumise, kuid sellisel raskendaval asjaolul, mille kohta eelnevat kokkulepet teiste osavõtjatega ei olnud (näiteks on kokku lepitud murda kauplusesse sisse ja riisuda sealt kast viina ca 120 rbl. väärtuses, täideviija aga tühjendab kaupluse kassa, pannes sel teel toime riisumise kokkulepitud KrK § 88 lg. 3 asemel sama paragrahvi lõike 4 järgi. Ekstsessiga üleminekuna ühelt riisumisvormilt teisele on tegemist näiteks siis, kui täideviija paneb vara salajase hõivamise asemel toime avaliku varguse või röövimise.

Ekstsessi all mõeldakse tavaliselt osavõtja (enamasti täideviija) teo hälbimist raskema kuriteo suunas. On aga võimalik, et täideviija paneb toime kokkulepitust kergema teo (tal õnnestub kokkulepitud röövimise asemel hõivata vara salajase varguse teel). Ka siin rakendatakse üldpõhimõtet: täideviija vastutab tegelikult toimepandu eest, teised osavõtjad aga kavandatud kuriteo ettevalmistamise eest (toodud näite korral vastutab täideviija salajase varguse, teised osavõtjad röövimise ettevalmistamise eest).

Osavõtja ekstsessi ei tohi ära segada alternatiivse ja konkretiseerimata tahtlusega. Konkretiseerimata tahtluse korral on osavõtjad kokku leppinud toimepandava teo liigitunnustes (näiteks lepidi kokku hõivata vara mistahes viisil või võimalikult palju). Alternatiivse tahtluse korral hõlmab osavõtjate tahtlus mitut (vähemalt kahte) käitumisvarianti või tagajärge. A. varastas ühe ametiasutuse ees seisevalt autelt tagasisaatepeegli. Ta mõõnis, et auto võib

kuuluda ka kodanikule või asutusele /12, lk. 140/. Alternatiivse ja konkretiseerimata tahtluse korral vastutavad kõik osavõtjad tegelikult toimepandud teo või asjaolu tagajärje eest.

2. Ebaõnnestunud osavõtt tähendab seda, et täideviija ei pane kuritegu toime (eeldataval täideviijal ei teki kuriteo toimepanemise tahtlast, ta loobub kuriteo toimepanemisest vms.). On üldtunnustatud, et kõlbmatu osavõtt kvalifitseeritakse kuriteo ettevalmistamisena. Kirjanduses on aga tehtud ettepanek viidata ebaõnnestunud osavõtu korral osavõtjate käitumise kvalifitseerimisel veel §-le 17.²⁸ Selline täiendav kvalifikatsioon on siiski tarbetu, ükski kvalifikatsioon ei ole kutsutud asendama toimepandud tee täpset formuleeringut süüdistuses ja kohtuotsuses. Ebaõnnestunud osavõtu kvalifitseerimine kuriteo ettevalmistamisena kajastab piisava täpsega antud tegu ning täiendav viide KrK §-le 17 ei anna kvalifikatsioonile midagi juurde.

Ebaõnnestunud osavõttuga on tegemist ka siis, kui täideviija paneb küll kuriteo toime, kuid ei kasuta pakutud kaasabi (näiteks loobub täideviija kaasaitaja antud kuriteoriistade või plaani kasutamisest). Õigesti märgib P. Telnov, et sellistel juhtudel puudub põhjuslik seos osavõtjate käitumise vahel, mistõttu osavõtjate tegude kvalifitseerimisel tulebki lähtuda ebaõnnestunud osavõtu kvalifitseerimise eeskirjadest /14, lk. 100 - 101/. Erinevus ebaõnnestunud osavõttust on antud juhul muidugi selles, et täideviija paneb toime kuriteo, ebaõnnestunud osavõtu korral kvalifitseerimise eeskirja rakendatakse ainult kaasaitaja vms. osavõtja suhtes.

3. Korduvate riisumiste korral ei tarvitse kõik kuriteod olla toime pandud samade isikute poolt.

Taolised probleemid tekivad, kui tegemist on kaastäideviimisega, üks kaastäideviijatest on kõikides episoodides sama, ülejäänud aga igas episoodis erinevad. Näiteks E. pani toime mitu riisumist kauplustest, asutustest ja kolhoosidest, kokku suures ulatuses. Iga kord oli tal erinev kaasosaline. Viimastest igapäevane käitumine kvalifitseeriti riisumisena isikute grupi eelneval kokkaleppel, E. tegu aga riisumiseks.

²⁸ Selle seisukoha autor on G. Kriger. Vt. 7, lk. 244.

sumisena suures ulatuses kui jätkuv kuritegu /7, lk. 226/.

On võimalik ka osavõtt kitsamas mõttes, kus võib olla tegemist nii erinevate täideviijate kui ka erinevate muude osavõtjatega. Siin saame rääkida kahest võimalusest.

Esiteks, kuriteol on üks täideviija, kuid igas episoodis erinevad osavõtjad kitsamas mõttes. Viimased vastutavad konkreetsest riisumisest osavõtu eest, täideviija aga jätkuva riisumise, viimase tunnuste puudumisel korduva riisumise eest.

Teiseks, üks osavõtja kitsamas mõttes võtab osa erinevate täideviijate poolt toimepandud riisumistest. Näiteks K. valmistab kõrgema liigi autojuhilubasid ning müüs neid autojuhtidele. Viimased said võltsitud lubade alusel ebaseaduslikult kokku 6543 rbl. K. võeti vastutusele jätkuva kaasaaitamise eest riisumisele kelmuse teel suures ulatuses /23, lk. 10 - 11/, s. t. KrK §-d 17 lg. 6, ja 91 lg. 3 p. 1 järgi. Loomulikult eeldab selline kvalifikatsioon osavõttu kitsamas mõttes ühes ja samas vormis (tegutsemine kõikide täideviijate suhtes kas kaasaaitajana, kihutajana või organisaatorina).

4. Osavõtt riisumise katsest esineb siis, kui täideviijal jääb kuritegu lõpule viimata temast sõltumatutel asjaoludel, tema kuritegu jääb katse staadiumi. Ebaõnnestunud osavõtuga siin tegemist ei ole, sest täideviija paneb kuriteo toime. Arusaadavalt tuleb tema tegu ka vastavalt toimepandule kvalifitseerida, näiteks KrK §-de 15 lg. 2, ja 88 lg. 1 järgi. Teiste osavõtjate (näiteks kihutaja) käitumise kvalifitseerimisel on kaks võimalust.

Esiteks, kvalifitseerida nende tegu viiteta KrK §-le 15 (näiteks §-de 17 lg. 5, ja 88 lg. 1 järgi). Seda teed läheb ka praktika.

Teiseks, kvalifitseerida nende tegu viitega KrK §-le 15 (näiteks §-de 17 lg. 5, 15 lg. 2, ja 88 lg. 1 järgi).²

Elustada tuleks siiski esimest kvalifikatsiooni, sest see arvestab ka osavõtja teo subjektiivset külge. Täideviijat ei kihutata ju kuriteokatsele, vaid lõpuleviidud kuri-

² Vaadeldav probleem ei ole kirjanduses põhjalikult läbi töötatud. Võib siiski leida soovitusi kvalifitseerida kihutaja või kaasaaitaja tegu viitega §-le 15. Vt. 6, § 17 komm. 19; 11, lk. 239 - 240.

teole. Teatud juhtudel on aga kihutaja teo kvalifitseerimisel vaja viidata KrK §-le 15 lg. 2, nimelt kui täideviijat kihutatakse tõepoolest kuriteokatsesele. Jutt on nn. näilikust vahendamisest, olukorrast, kus üks isik pöördub teise poole ettepanekuga anda tema kätte altkäemaks edasiandmiseks ametiisikule. Tegelikult puudub näilikul vahendajal võimalus ja kavatsus altkäemaksu edasi anda, ta lihtsalt petab vara teiselt isikult välja. Näilik vahendaja vastutab sellisel juhul kelmuse ja altkäemaksu andmise katsese kihutamise eest, näiteks KrK §-de 17 lg. 5, 15 lg. 2, ja 165 järgi /3, lk. 40/.

K i r j a n d u s

1. Eesti NSV kriminaalkodeks. Kommenteeritud väljaanne / Koost. Rebane I.-Tln.,: Eesti Raamat, 1980.
2. Rebane I. Kuriteost osavõtt ja kuriteoga puutumus: Õm-kogude kriminaalõigus: Üldosa: Õpetus kuriteost. III osa. 2. vihik.-Trt.: TRÜ, 1983.
3. Sootak J. Sotsialistliku vara riisumise piiritlemine teistest kuritegudest.-Tartu: TRÜ, 1983.
4. Галиакбаров Р. Юридическая природа группы лиц в уголовном праве. - Советская юстиция, 1970, № 20.
5. Гузин В. Совместность - признак соучастия. - Советская юстиция, 1975, № 2.
6. Комментарии Уголовного кодекса Латвийской ССР. - Рига: Лиесма, 1967.
7. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. - М.: Юрид. лит., 1974.
8. Курс советского уголовного права: Часть общая. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968, т. I.
9. Ляпунов Ю. Разграничение присвоения и растраты социалистического имущества. - Советская юстиция, 1984, № I.
10. Сабиров Р.Д. Содержание признака насилия в групповых посягательствах на собственность.- В кн.: Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями. - Свердловск: СМ, 1982.
- II. Советское уголовное право: Общая часть / Под ред. Дурманова Н.Д. и др.- Изд-во МГУ, 1974.

12. Советское уголовное право: Часть общая/ Под ред. Гришаева П.И. и Здравомыслова Б.В.- М.: Юрид. лит., 1982.
13. Советское уголовное право: Часть особенная. - М.: Юрид. лит., 1983.
14. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. - М.: Юрид. лит., 1974.
15. Уотинов В.С. Признаки хищения и их оценка аппаратами БХСС.- Горький: Горьковская Высшая школа МВД СССР, 1979.
16. Хакимов И.Х. Правовые вопросы соучастия в хищении социалистического имущества. - Ташкент: Фан, 1975.
17. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии. - Правоведение, 1960, № 1.

Kehtupraktika

18. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 25. märtsi 1964. a. määrus "Kehtupraktikast vägistamisasjades" - NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi ja Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi määruste valikkogu 1960 - 1976.-Tln.: Eesti Raamat, 1977.
19. Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi 30. jaanuari 1963. a. määrus "Kehtupraktikast avaliku varguse ja röövimise asjades" - NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi ja Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi määruste valikkogu 1960 - 1976.-Tln.: Eesti Raamat, 1977.
20. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 11. juuli 1972. a. määrus "Kehtupraktikast riigi- ja ühiskonnavara riisumise asjades". - NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi ja Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi määruste valikkogu 1960 - 1976.-Tln.: Eesti Raamat, 1977.
21. Tallinna Kalinini rajooni rahvakohtu kriminaalaltnik nr. 1-76/1971. a. J. V. ja A. V. süüdistusasjas ENSV KrK §-de 17 lg. 6, ja 139 lg. 2 p. 1 ja 3 järgi.
22. Eesti NSV Ülemkohtu presiidiumi 17. märtsi 1982. a. määrus Millar A. ja Kalju H. süüdistusasjas ENSV KrK § 88 lg. 2 p. 1 järgi. - Õukogude Õigus, 1982, nr. 4.
23. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 декабря 1966 г. по делу Добрынина по ст.17 и 91, ч.2, п. "а" и "б" УК РСФСР - Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 6.

24. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 апреля 1968 г. по делу Кузьменко по ст. 17 и 93, ч. 3; 175; 173, ч. 2, УК РСФСР. - Вуллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 1.
25. Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 февраля 1974 г. по делу Желизняк В.М. и Мезива Б.И. по ст. 84, ч. 2 УК Украинской ССР. - Вуллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 4.
26. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. "О судебной практике по делам о грабеже и разбое". - В сб.: Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР 1961-1977. М.: Юрид. лит., 1978.

СОУЧАСТИЕ В ХИЩЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Я. Соотак

Р е з ю м е

В статье рассматриваются вопросы понятия соучастия в преступлении, объективные и субъективные признаки соучастия в хищении, а также некоторые его специфические проблемы.

Автор придерживается точки зрения, согласно которой соучастие в хищении невозможно без наличия двух или более лиц, которые соответствуют признакам субъекта преступления. Правы те авторы, которые в этой связи утверждают, что для соучастия необходимо согласованное виновное посягательство двух или более лиц.

Относительно соучастия в хищении в особо крупных размерах автор находит, что о соучастии в этом преступлении может идти речь и тогда, когда действие всех лиц содержит признаки разных форм хищения, так как согласно общему правилу квалификация содеянного по ст. 93¹ УК ЭССР не зависит от того, в каких формах совершены хищения.

Если исполнитель преступления ранее совершил преступление, предусмотренное ст. 88, ч.2, п.2 УК ЭССР, или же он признан особо опасным рецидивистом, то пособничество или подстрекательство следует квалифицировать, например, по ст. 17, ч.6 и ст. 88, ч.2, п.2 УК ЭССР, так как пособник заведомо содействует совершению преступления приотягчающих обстоятельствах.

**VÄGISTAMISEST OSAVÖTU KÜSIMUSI
(EESTI NSV KOHTUPRAKTIKA ALUSEL)**

H. Tõnismägi

Käesoleva uurimuse empiiriliseks baasiks, informatsiooni-
allikaks olid kõnealust liiki kriminaalasjad (KrK § 115),
milles oli tehtud süüdimõistev kohtuotsus. Uurimisega hõl-
mati ulatuslik valim kriminaalasju - 832 vägistamise fakti
(ehk episoodi) 705 eri kurjategija ja 535 eri kannatanuga.
Uurimisprogrammi kohaselt mõõdeti kuriteost osavõttu mitme
näitaja abil: kuritegeliku grupi suuruse, osavõtjate omava-
helise tutvusastme ja initsiaatorite järgi.

Selgus, et üle poolte (54,9 %) vaadeldavatest rünne-
test pandi toime grupiliselt, kusjuures grupi liikmete arv
oli küllaltki arvukas. Kui kaheliikmelisi gruppe oli 32,8 %,
kolmeliikmelisi - 27,0 %, siis nelja- ja viie-(ning enama-)
liikmelisi gruppe vastavalt 19,8 % ja 20,4 % juhtudest. Kõi-
ge suurem grupi liikmete arv (ühe episoodi korral) oli 14
isikut, mitme eri episoodiga seotud isikute puhul - 17 isi-
kut.

Kuriteost osavõtjateks olid kõige sagedamini lihtsalt
tuttavad (51,1 %), seejärel õppe- või töökaaslased (20,6 %),
lähedalt sugulased (peamiselt väikese vanusevahega vennad) -
3,5 %, kinnipidamiskoha kaaslased (1,9 %) jt.

Andmed grupilisuse kohta vägistamiste ja mõnda muud lii-
ki kuritegude toimepanemisel on esitatud tabelis 1. Silmas
peetakse kõiki vastavaid kuritegusid, mis Eesti NSV-s toi-
me pandud ühel viis aastat hõlmanud ajavahemikul.

Esitatud andmetest nähtub, et grupilisus vägistamisel
oli suurem grupilisusest huligaansuse, kodanike isikliku va-
ra varguse ja tahtliku tapmise toimepanemisel, väiksem aga gr-
pilisusest sotsialistliku vara salajase varguse ning kodanike
isikliku vara röövimise ja avaliku varguse toimepanemisel.

Vägistajate hulgas oli alaealiste gruppe 30,5 % ja nn.
segagruppe (alaealised koos täiskasvanutega) 13,2 %. Alaeaa-
liste gruppide osatähtsus oli suur ka kodaniku isiklikku va-

ra salaja varastanute ja sotsialistlikku vara salaja riisunute hulgas (vastavalt 42,3 ja 32,9 %).

Grupilisust alaealiste kuritegude toimepanemisel Eesti NSV-s ülalnimetatud ajavahemikul iseloomustavad tabelis 2 esitatud andmed.

T a b e l 1

Grupilisus kuritegude toimepanemisel

Kuriteo kvalifik. KrK järgi	Grupilisus %	Grupis	Üksinda	Kokku
§ 115		52,7	47,3	100
§-d 100 ja 101		8,9	91,1	100
§ 88		62,6	37,4	100
§ 139		36,3	63,7	100
§ 140		59,9	40,1	100
§ 141		72,6	27,4	100
§ 195 lg. 2		43,2	56,8	100
§ 195 lg. 3		20,1	79,9	100
Kõik süüdimõistatud kokku		30,5	69,5	100

T a b e l 2

Grupilisus alaealiste kuritegude toimepanemisel

Kuriteo kvalifik. KrK järgi	Grupilisus %	Grupis	Üksinda	Kokku
§ 115		83,5	16,5	100
§ 88		88,2	11,8	100
§ 139		72,3	27,7	100
§ 140		75,7	24,3	100
§ 141		83,6	16,4	100
§ 195 lg. 2		69,8	30,2	100
Kõik alaealised süüdimõistatud kokku		69,9	30,1	100

Esitatud andmed võimaldavad järeldada, et alaealistele on tüüpiline vägistamine grupiliselt: niisuguseid vägistajaid oli 83,5 %. Grupi osatähtsus oli alaealiste kuritegudes veelgi suures vaid sotsialistlike vara salajase varguse ja kodaniku isikliku vara röövimise juhtudel (vastavalt 88,3 ja 83,6 %). Väärib märkimist, et alaealiste huligaanide grupilisus (69,8 %) jääb tunduvalt alla vägistajate omast.

Seevastu täiskasvanud vägistajatest pani kuriteo toime grupis vaid 45,8 %.

Kuriteo toimepanemisel grupi poolt viiakse kuritegu üldjuhul lõpule. Nii viidi grupilistest vägistamistest lõpule 83,2 %, katse staadiumi jäi vaid 16,8 % rünnetest. Veelgi reljeefsemalt avaldub eelöeldu tahtlike tapmiste asjades - ükski grupiline rünne inimesele ei jäänud katse staadiumi, kõik nad viidi lõpule. Seda ebaloogilisem on olukord, et tahtliku tapmise (ja ülliraskes kehvavigastuse tahtliku tekitamise) koosseisuliseks raskendavaks asjaoluks ei loeta selle toimepanemist grupiliselt.

Grupiliste kuritegude suur osatähtsus vägistajate hulgas on seletatav ka kurjategijate noorusega. Vägistamiste grupilisuse aate tõuseb kurjategijate vanuse vähenemisega (mida noorem iga, seda rohkemaarvulised grupid). Selgitus oleks järgmine: otsustus toime panna nii raske kuritegu tekitab tavaliselt kannatanust arvulises ülekaalus olles, mil ollakse veendunud oma füüsilises üleolekus. Tüüpilisena on need algul noorukite vaba aja möödasaatmise kambad, kus on kaldavus joomisele, liiderlikkusele, kaardimängule. Kuritegelikeks kasvab taoline grupp üle alles siis, kui nende moraalne rikutus on saavutanud teatud tugevuse.

Kuriteo initsiaatori väljaselgitamine omab tähtsust nii karistuse individualiseerimisel kui ka profülaktiliste ürituste planeerimisel teisejärguliste osavõtjate suhtes.

Uurimus näitas, et grupiliste rünnete korral ei olnud 40,3 %-l juhtudest kuriteo subjekt ise initsiaator, vaid kaasa tõmmatud grupikaaslaste poolt. Eespool nägime, et grupilised ründed on iseloomulikud just alaealistele. Siit ettekujutus sellest, kui oluline osa on grupis teise isiku negatiivsel eeskujul, kuritegelikul initsiatiivil. Seda peame arvestama alaealiste kuritegevuse vastases võitluses.

ВОПРОСЫ СОУЧАСТИЯ В ИЗНАСИЛОВАНИИ
(по материалам судебной практики Эст.ССР)

Х. Тынисмяги

Р е з ю м е

В данной статье приведены результаты конкретного исследования, где источником информации избраны уголовные дела данной категории (ст.115 УК Эст.ССР). Всего было исследовано 832 факта изнасилований 705 преступниками.

Установлено, что более половины посягательств (55%) было совершено группами, причем численность групп достаточно велика (групп из 4 человек - 10,7%, из 5 и более человек - 10,9%). Наиболее часто группы состояли из знакомых между собой лиц (51,1%), затем следуют соученики и сослуживцы (20,6%), близкие родственники (3,5%) и менее всего - совместно отбывавших наказание (1,9%).

Для несовершеннолетних характерно совершение групповых изнасилований (83,5%). Из числа совершеннолетних групповое изнасилование совершили 45,8% осужденных.

Групповое изнасилование непосредственно влияет на тяжесть последствий совершенного преступления (83,2% нападения было доведено до конца).

Чем моложе преступники, тем многочисленнее группы. При выяснении инициатора преступления было установлено, что в 40,3% случаев другие участники преступления не были сами инициаторами, а вовлечены вожаком группы.

**KURITEOST OSAVÕTJATE MATERIAALSE VASTUTUSE
PROBLEEME KRIMINAALPROTSESSIS**

J. Adojaan

Kuriteo läbi materiaalist kahju kandnud isikul on õigus kriminaalasja menetluse kestel esitada tsiviilhagi nii kuriteo üksiktäideviijast süüdistatava kui ka kuriteost osavõtnud süüdistatavate vastu, kes ühiselt on kahju tekitanud (ENSV KrPK² §-d 41; 42; 114 lg. 2; 269 jt.).

Et kriminaal- ja kriminaalprotsessiseadus kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise õiguslikke aluseid ei sätesta, juhendatakse kriminaalprotsessis kuriteoga tekitatud kahju hüvitamisel tsiviilseadusandlusega sätestatud kahju tekitamisest tulenevatest vastutuse alustest (ENSV TsK² §-d 448 jt.) ja kohustiste täitmist korraldavatest normidest (TsK §-d 186 - 189).

Ühiselt kahju tekitanud isikud vastutavad solidaarselt ka kriminaalprotsessis (TsK § 459).

Solidaarse kohustuse korral on kreditoril õigas nõuda võlga nii kõikidelt võlgnikelt ühiselt kui ka igaühelt eraldi nii täies ulatuses kui ka osaliselt. Kreditoril, kes ei ole saanud täielikku rahuldust ühelt solidaarselt võlgnikult, on õigus saamata jäänud sisse nõuda ülejäänud solidaarsetelt võlgnikelt (TsK § 188 lg. 1 ja 2).

Tsiviilasjas ei arvesta kohus solidaarvõlgniku kahjutekitamisest osavõtu astet ja iseloomu, olles neis küsimustes indifferentne. Kriminaalasjas on solidaarse kohustuse täitmine konkreetsem.

Kohtupraktika üldistused ja õigusteoreetiline analüüs kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise vallas näitavad, et tsiviilõiguse ja tsiviilprotsessiõiguse printsiipide, institutide, vormide ja garantiide mehhaaniline siirdamine kriminaalprotsessi, arvestamata viimase printsiipe, vor-

² Edaspidi KrPK.

² Edaspidi TsK.

me ja garantiisid, pole andnud positiivseid tulemusi /1, lk. 123; 6, lk. 72/. Seletatav on see kriminaal- ja tsiviilseadusandluse ülesannete ning nende seadusandlustega reguleeritavate suhete erinevusega, mis nõuab ka solidaarse vastutuse alaste suhtes täiendavate suunavate selgituste andmist NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi poolt.

Juba 21. juuli 1935. a. määruses "Süüdimõistetute solidaarsest vastutusest tekitatud ainelise kahju eest", märkis NSV Liidu Ülemkohtu pleenum, et riisumise ja raiskamise asjades panevad kohtud solidaarse vastutuse riisunud või raisatud summa suuruses kõigile asjas süüdimõistetule, olenevata sellest, milline oli iga süüdimõistetud osavõtt kuriteost. NSV Liidu Ülemkohtu pleenum tuli järeldusele, et niimoodi moonutatakse õiget diferentseeritud lähenemist süüdimõistetule, nõrgendatakse kõige kuritahtlikumate ja ohtlikumate kuriteost osavõtnute vastutust, süüdimõistetute suhtes aga, kes ei olnud täideviijad, kihutajad ega kaasaaitajad, luuakse terav mittevastavus materiaalse vastutuse raskuse ja kohtu poolt neile valitud kriminaalkaristuse vahel." /12, lk. 121 - 122/.

Diferentseeritud lähenemine kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamisele on tingitud sellest, et kriminaalasjas lahendab kohus kõigepealt kohtualuste kriminaalvastutuse küsimust. Kohus lähtub karistuse individualiseerimise põhimõttest, ta peab arvestama kuriteo toimepanemisest osavõtnud isikute osavõtu astet ja iseloomu (KrK § 17 lg. 7). Kuriteost osavõtuna on kvalifitseeritav üksnes selline käitumine, mis ei ole vähetähtis KrK § 7 lg. 2 mõttes. Kui kuriteole kaasaaitamine on vähetähtis, puudub kaasaaitaja käitumises kuriteo koosseis ja kriminaalasi tema suhtes tuleb lõpetada. Kui kuriteost osavõtja pani toime kuriteo, mille ühiskonnaohtlikkus ei ole suur, võib tema suhtes kõne alla tulla ühiskondlike mõjutamisvahendite kohaldamine (KrK §-d 50; 51; 51¹; KrPK §-d 6; 7; 8). Tekitatud materiaalne kahja kuulub siis hüvitamisele tsiviilkohtumenetluse korras /14, lk. 227/.

Karistuse mõistmisel peab kohus arvestama ka kuriteoga tekitatud materiaalse kahju suurust ja kahjutekitanute-eüüdlaste meetmeid kahju hüvitamiseks (KrPK §-d 19; 46 p. 4 jt.). Nendest andmetest sõltub kuriteo kvalifikatsioon ning karistuse mõistmisel vastutust kergendavate ja raskendavate mittekoosseisuliste asjaolude arvestamine (KrK §-d 37 lg. 1 p.

1; 38 p. 4). Samas aga teame, et solidaarse kohustise tekkimise tingimuseks en ühiselt kahju tekitamine, mis seisneb selles, et "mitme isiku õigusvastased teod koos ja jagamata tervikuna põhjustasid kahju tekkimise, kusjuures tekitatud kahju moodustab teatud ühtse terviku" /4, lk. 348; 10, lk. 154/. Et vajalik diferentseeritud lähenemine solidaarse kohustise täitmisel on võimatu ja lõpptulemusena toimub ühiselt tekitatud kahju hüvitamine osavastutuse põhimõttel võrdses osades (TsK § 188 lg. 5), andis NSV Liidu Ülemkohtu pleenum oma järgnevates määrustes suunavaid selgitusi solidaarse ja osavastutuse kohaldamise spetsiifikast kriminaalprotsessis.

Nii konstateeris NSV Liidu Ülemkohtu pleenum 28. mai 1954. a. määruse "Kohtupraktikast kuritegudega tekitatud materiaalse kahju sissenõudmise kohta" preambulis, et kohtud ei lahenda veel alati õigesti osa- või solidaarse vastutuse küsimusi. Tihti kohaldatakse solidaarset vastutust ebaõigesti isikuile, kes on süüdi mõistetud kuigi ühes asjas, kuid erinevate iseseisvate kuritegude eest. Sageli rakendatakse solidaarset vastutust, arvestamata iga asjas süüdimõistetu osa (rolli), mille tagajärjel määratakse vastutus ühesuguses ulatuses nii kuriteo põhi- kui ka teisejärgulistele osavõtjatele. Sama määruse punktis 4 selgitas pleenum, et kui kohtualune tekitas kahju kuritegelike tegudega teiste kohtualuste tahtlikul kaasaaitamisel, tuleb viimastele panna solidaarne vastutus isikuga, kes tekitas kahju, selle summa ulatuses, milles nad aitasid kaasa kahju tekitamisele /17, lk. 552 - 555/. Need NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi suunavad selgitused ei täpsustanud solidaarse ja osavastutuse erisusi ega andnud kohtutele neis küsimustes sõnaselgeid vastuseid.

NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 23. märtsi 1979. a. määrus "Kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise kohta käiva seadusandluse kohaldamisest kohtupraktikas" tühistas eespoolnimetatud määruse ja andis neis küsimustes uued juhendavad selgitused /14, lk. 228/. Selle määruse punktis 12 märgib NSV Liidu Ülemkohtu pleenum, et "solidaarset vastutust kahju hüvitamisel kannavad kõik isikud, kes tekitasid kahju kuritegeliku tegevusega" (alla kriipsutanud J. A.). Selle täpsustamiseks tuleb meie arvates lisada, et solidaarset vastutust kannavad ainult süüdimõistetud isikud, sest isikud, kes tekitasid kahju küll kuriteoga, kuid kelle kohta kriminaalasi lõpetati mitterehabiliteerivatel asjaoludel (vt. mää-

ruse p. 5 lg. 1), solidaarset vastutust koos süüdimõistetutega ei kanna. Neil juhtudel selgitab kohus tsiviilhagejale, et tal on õigus esitada hagi tsiviilkohtumenetluse korras ka nende isikute vastu, hüvitamaks kahju solidaarselt süüdimõistetuga /14, lk. 228/.

Selgituseks tuleb meie arvates veel märkida, et solidaarset vastutust kannavad ka need süüdimõistetud, kelle tekitasid kahju kuritegeliku tegevusetusega. Kuriteost mõne osavõtja käitumises võib tegevusetus koguni domineerida. Nii on see näiteks siis, kui laohoidja kokkuleppel teiste kuriteost osavõtjatega jätab lae ukse lukustamata, kergendamaks riisumise otstarbel lattu pääsemist. Kuriteost osavõtt tegevusetuse abil on võimalik ja kriminaalkorras karistatav üksnes niivõrd, kui võrd tegevusetus seisnes tahtlikus hoidumises sõrasedest tegevusest, milleks isik oli õiguslikult kohustatud /5, lk. 11 - 12/. Kuigi kohtupraktika on selles küsimuses veel vastuoluline, valitseb kriminaalõiguskirjanduses seisukoht, et tegevusetuse abil saab kuriteole kaasa aidata isik, kes hoidub tegevusest, milleks ta oli juriidiliselt kohustatud /7, lk. 16, 72; 9, lk. 236/.

Solidaarset vastutust kriminaalprotsessis kannavad ainult need kuriteost osavõtnud süüdimõistetud, kes tahtliku teoga ühiselt tekitasid materiaalselt kahju. See alus tuleneb "NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalseadusandluse aluste" §-st 17 lg. 1 ja KrK §-st 17 lg. 1. Need sätted määratlevad kuriteost osavõttu mitte üksnes ühise osavõtmisena (koostegutsemisena) kuriteo toimepanemisest, vaid "tahtliku ühise osavõtmisena kuriteo toimepanemisest". Selline kuriteo toimepanek ei ole aga mõeldav, kui kuriteo vahetu toimepanija ja teised kuriteost osavõtjad ei ole üksteisest vastastikku teadlikud, see tähendab, ei saa aru, et nad tegutsevad kuriteost osavõtjana.

Kohtupraktika on seisukohal, et kõigil osavõtjail peab olema ühtne kuritegelik kavatsus ning ühtne kuriteo toimepanemise eesmärk /18, lk. 835/. Need tunnused on omased ainult otsesele tahtlusele /5, lk. 19/.

Kuriteo subjekti iseloomustavad tunnused ei ole koostegutsemisel spetsiifilised. Ka kuriteost osavõtu korral on subjektiks kriminaalvastutuse ikka jõudnud süüdiv isik. Alaealise kriminaalasjas peab kohus lähtuma sellest, et TsK §-de 454 ja 455 kohaselt vastutavad noorema kui 15-aastase alae-

lise kahju eest tema vanemad või eestkostjad või õppe-, kasvatas- või raviasutus, kelle järelevalve all alaealine oli, kui ei ole tõendatud, et kahju ei tekkinud nende süü läbi. 15- kuni 18-aastaselt kahju tekitanud alaealine vastutab aga tekitatud kahju eest üldalustel. Kui 15- kuni 18-aastaselt kahju tekitanud alaealisel ei ole vara või ta ei saa töötasu, mis on küllaldane kahju hüvitamiseks, siis hüvitavad kahju vastavas osas alaealise vanemad või eestkostja, kui ei ole tõendatud, et kahju ei tekkinud nende süü läbi. Samas tuleb aga silmas pidada, et kui kahju tekkis mitme isiku kuritegeliku koostegutsemise tagajärjel, siis kannavad nii täisealised kui ka 15-aastased alaealised süüdimõistetud, kui neil on selleks küllaldane töötasu ja vara, solidaarset materiaalselt vastutust. Kodanikud ja organisatsioonid, kes seadusega ettenähtud juhtudel on alaealiste süüdimõistetute poolt tekitatud kahju pärast kaasatud asjasse tsiviilkostjana, hüvitavad kahju osavastutuse põhimõttel /Vt. 16, lk. 394/.

Kui kuritegu eeldab erisubjekti, siis saab täideviijaks olla üksnes isik, kes vastab erisubjekti tunnustele. Nendele tunnustele mittevastava isiku poolt niisuguse teo toimepanemine, mis on vajalik erisubjektiga kuriteo objektiivseks küljeks, loetakse neil juhtudel kaasaaitamiseks, erisubjekti tunnustele vastav isik aga kannab vastutust kuriteo täideviijana /2, § 17 kom. 11 "b"/. Kui näiteks ametiisik, kasutades oma ametiseisundit, laseb ettevõtte töölisel võltsida ametialase dokumendi (muretseb ametliku blanketi, pitsati, ütleb ette võltsitava dokumendi teksti jne.), on ta täideviija, tööline aga kaasaaitaja. Mõlemad nad vastutavad tekitatud kahju eest solidaarselt.

Kodaniku ja ametiisiku solidaarse vastutuse võimalusest lähtub ka NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 3. juuli 1963. a. määrus "Kohtupraktikast tsiviilasjades liigselt väljamakstud riiklike pensionisummade sissenõudmise kohta." Selles määruses selgitatakse, et pensionäriilt liigselt saadud pensionisummade sissenõudmisel on kohtul õigus tõmmata kaaskostjana asjasse ametiisikut, kes omakasu või muudes isiklikes huvides andis välja teadvalt ebaõigeid dokumente, mis olid pensioni ebaseadusliku saamise aluseks. Sel juhul kannavad kodanik ja ametiisik solidaarset varalist vastutust, kuiõrd riigile on põhjustatud kahju nende ühise tegevusega /13, lk. 55 - 56/.

Teatavate eriomadustega isikute solidaarse vastutuse aluseid selgitab ka NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi eespool nimetatud 23. märtsi 1979. a. määrus järgmiselt: "Kui ettevõttele, asutusele või organisatsioonile on kahju tekitatud mitme töötaja süü läbi või oma töötaja ja teise isiku süü läbi, kes ei ole selle ettevõtte, asutuse või organisatsiooniga töösuhetes, siis on kohtul õigus panna kohtualustele solidaarne vastutus, kui tuvastatakse, et kahju on tekitatud nende ühise tahtliku tegevusega." /14, lk. 229/.

Ettevõttele, asutusele või organisatsioonile kuriteoga kahju tekitamise korral vastutavad kõik kahju tekitanud isikud solidaarselt täies ulatuses /15, lk. 84 - 85/.

NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 23. märtsi 1979. a. määruse punktist 12 lg. 3 nähtub, et solidaarset materiaalselt vastutust ei panda selliseile isikuile, kes on süüdi mõistatud, olgugi et ühes kriminaalasjas, kuid iseseisva kuriteo eest, mis ei ole seotud ühise kavatsusega. Seega: kui pole tegemist kuriteost osavõttuga KrK § 17 mõttes, pole võimalik ka solidaarne materiaalne vastutus kriminaalprotsessis. Kriminaalasjas võib olla mitu kuriteo üksiktäideviltjat. Neid võib olla mitu, kui kaks või enam isikut ründavad sama kriminaalõiguslikult kaitstud objekti, kuid igaüks nendest tegutseb iseseisvalt /2, § 17 komm. 1 "a"/. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi määrusest nähtub ka, et solidaarset vastutust ei panda isikuile, kui ühed on süüdi mõistatud omakasuliste kuritegude eest, näiteks riisumine, teised aga lohakuse eest, kui ka nende tegevus objektiivselt mingil määral soodustas kuriteo toimepanemist esimeste poolt /14, lk. 228 - 229/. Ametialases lohakuses süüdlast võetakse materiaalsele vastutusele osavastutuse põhimõttel, kui tema poolt toimepandud kuritegu ei olnud põhjuslikus seoses toimepandud omakasulise kuriteoga, oli tingitud süüdlase ettevaatamatuselt ja tekitatud kahju oli oluline. Mitteolulise kahju tekitamise korral ametiisik kriminaalvastutust ei kanna (KrK § 162). Ametiisiku poolt oma ametialaste kohustuste täitmata jätmine või nende mittevastav täitmine on kvalifitseeritav ametialase lohakusena ka siis, kui ametialane lohakus lõi tingimused olulise kahju tekitamiseks teise isiku poolt riisumise või muu kuriteo toimepanemise tagajärjel /2, § 162 komm. 2/.

Osavõttu riisumisest ei moodusta ka lohakus alluva töö kontrollimisel, kes seda ära kasutab riigi- või ühiskonnava riisumiseks /2, § 162 komm. 4/.

Solidaarse kohustuse puhul on võlgnikul, kellelt nõutakse kohustise täitmist tsiviilprotsessimenetluse korras, kohustus esitada kreditorile kõik vastuväited, mis puudutavad solidaarse kohustise tekkimise aluseid. Mitme isiku poolt kahju tekitamise korral võib solidaarse kohustise tekkimise oluline tunnus - kahju ühine tekitamine - üldse puududa ja seetõttu puududa ka mitme isiku kohustis hüvitada tekitatud kahju solidaarselt. Kui aga kreditor esitatud vastuväiteid ei arvesta ja pöördub täitmise nõudmise hagiga kohtusse, on kohus kohustatud võlgniku vastuväited läbi arutama. Seda ei saa teha ilma kõikide nende isikute kaasamiseta protsessi kaaskostjatena, kelle suhtes võib eeldada, et nad tekitasid kahju ühiselt ja vastutavad selle tõttu solidaarselt. Tuleb kindlaks teha solidaarse kohustise olemasolu, s. o. kohustisest osavõtnud isikud ning neist igaühe üldised ja erilised vastutuse tingimused, ning otsuses märkida, millises osas igaüks neist peab otsuse täitma või on nende vastutus solidaarne (ENSV TsPK^{*} § 209). Nende nõuete mittetäitmine on vastuolus TsPK §-des 14, 30, 100 - 103, 105-108, 314 kehtestatud tsiviilprotsessiõiguse normidega /3, § 188 komm. 1/.

Kriminaalprotsessis toimub kahju hüvitamise menetlus solidaarse vastutuse korral tsiviilprotsessist erinevalt. Kui kahju on tekitatud, näiteks kohtualuse ja sellise teise isiku ühise tegevusega, kelle suhtes on kriminaalasi lõpetatud KrPK §-des 5 lg. 1 p-d 2 - 9, 6; 7 ja 8 ettenähtud alustel, paneb kohus kohtualusele kohustuse hüvitada kogu materiaalne kahju ja selgitab tsiviilhagejale, et tal on õigus esitada hagi tsiviilkohtumenetluse korras ka nende isikute vastu, kelle suhtes on kriminaalasi lõpetatud, hüvitamiseks kahju solidaarselt süüdimõistetuga. Kui materiaalse kahju on tekitanud kohtualune koos teise isikuga, kelle suhtes ami eraldati omaette menetlusse, paneb kohus kohtualusele kohustuse hüvitada kogu tekitatud kahju. Tehes süüdimõistva kohtuotsuse niisuguse isiku suhtes, kelle kriminaalasi eral-

* Edaspidi TsPK.

dati omaette menetlusse, on kohtul õigus panna temale kohustus hüvitada kahju solidaarselt varem süüdimõistetuga /14, lk. 227/.

Tsiviilprotsessist erinevalt on seega kriminaalprotsessis selline süüdimõistetute solidaarsele vastutusele võtmise kord võimalik, sest kriminaalprotsessis toimub kahju tekitanud isikute solidaarse vastutuse aluste tuvastamine kohtueelse uurimise staadiumil, mida tsiviilprotsessis ei ole. Nimetatud asjaoludel ei ole kohtutel õigust jätta kriminaalasjas tsiviilhagid läbi vaatamata motiivil, et kahju on tekitanud mitu isikut ühiselt, kuid kõik kahjutekitajad ei ole selles asjas süüdi mõistetud /1, lk. 122; 8, lk. 140/.

Solidaarse kohustuse realiseerimisel tagab tsiviilseadusandlus ainult kreditori huve. Kreditoril on omal valikul õigus esitada nõue kas kõikide võlgnike vastu ühiselt või ainult ühe vastu, nõuda kohastise täitmist kas täies ulatuses või teatud osa suuruses (TsK § 188 lg. 1). Kui aga solidaarsed võlgnikud pakuvad täitmist nende poolt määratud osade suuruses enne kreditori poolt nõude esitamist, peab viimane täitmise vastu võtma pakutud suuruses, vastasel korral loetakse teda viivitanuks (TsK § 232) /3, § 188 komm. 1/.

Need solidaarsest vastutusest tulenevad hageja ja kostjate õigused on kriminaalprotsessis kitsendatud kohtu initsiatiivi esiletõstmise ja aktiveerimise tõttu. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 23. märtsi 1979. a. määruses antud selgituste kohaselt on kohtul enesel õigus panna kohtualustele, kelle ühise tegevusega on kahju tekitatud, osavastutus, mitte solidaarset vastutust, kui sissenõudmise selline kord vastab hageja huvidele ja tagab kahju hüvitamise. Sel juhul peab kohus kohtuotsuse resolutiivosas märkima, kellele kohtualustest pannakse solidaarne vastutus ja kellele osavastutus, mis-suguses suuruses ja kelle kasuks nõutakse sisse summa kahju hüvitamiseks /14, lk. 229/.

Sellele positsioonile asumist selgitab NSVL Ülemkohus oma juhtartiklis "Raiskamiste ja riisumiste efektiivsemaks likvideerimiseks", milles märgib, et raiskamiste ja riisumiste teel tekitatud materiaalse kahju hüvitamisel ei rakenda kohtud tsiviilhagide rahuldamisel alati õigesti solidaarset ja osavastutust /11, lk. 3/.

Solidaarse vastutuse rakendamisel on kohtute eesmärgiks kurjategijate grupi tekitatud materiaalse kahju täielikum hü-

vitamine nii grupi iga osalise kui ka ükskõik kelle poolt neist. Praktika andmed kinnitavad aga, et osavastutuse põhimõtte rakendamine solidaarse vastutuse asemel tagab kurjategijate grupi tekitatud kahju hüvitamist edukamalt ja aktiivsemalt ning seda just süüdlase poolt vabatahtliku hüvitamise arvel /11, lk. 7/. Sellele seisukohale on NSV Liidu Ülemkohtu pleenum jäänud ka 9. juuli 1982. a. määruses nr. 6, milles märgib, et "osavastutuse võib panna ka süüdimõistetutele, kui kohus tunnistab, et sissenõudmise selline kord vastab hageja huvidele ja tagab kahju hüvitamise" /16, lk. 394/.

Selline kohtu initsiatiivil osa- ja solidaarse segavastutuse põhimõttel rakendatav kahju hüvitamine ei või meie arvates anda positiivseid tulemusi järgmistel asjaoludel: esiteks, ei ole küllaldaselt alust arvata, et kohus oleks protsessiosalistest (pooltest) paremini informeeritud kahju tegeliku hüvitamise võimalustest, teiseks, kohtuotsuse resolutiivosas antav üldsõnaline formuleering osavastutuse panemisest konkreetsele kohtualusele, näitamata seejuures kirjeldav-motiveerivas osas, mille poolest on osavastutus hagejale kasulik ja kuidas hüvitamine saaks toimuda, ei taga kahju hüvitamist tõhusamalt kui solidaarne vastutus; kolmandaks, selline kahju hüvitamise kord kitsendab protsessiosaliste (poolte) õiguste ja seaduslike huvide kaitset (KrPK §-d 35 lg. 2; 37 lg. 2; 41 lg. 2; 43 lg. 2 ning TsPK §-d 14, 30, 100 - 103, 105 - 108, 314) ega ole kooskõlas solidaarse vastutuse alustega tsiviilseadusandluse järgi (TsK §-d 188, 459).

Kahju hüvitamine kriminaalprotsessis osa- ja solidaarse vastutuse koostoime põhimõttel on meie arvates võimalik, kui selline lahendus leiab aset protsessiosaliste eneste initsiatiivil.

Üldust järeldub, et kriminaalprotsessiõigusliku tsiviilhagi instituudi kõik menetlusvormid, sealhulgas ka solidaarse vastutuse põhimõttel toimuv kahju hüvitamine, on alutatud kriminaalprotsessi ülesannetele ja seetõttu vastavalt konkretiseeritud ja kohandatud. Selline interpretatsioon seaduse raames on õigusteoreetiliste probleemide lahendamisel võimalik. See tuleneb üldise ja üksiku dialektikast /6, lk. 77, 87/.

K i r j a n d u s

1. Adojaan J. Materiaalse kahju hüvitamisest riigi ja ühiskonna vara riisumise asjades. - In: Toimetised / TRÜ. - Vihik 300. Oigusteaduslikke töid IV.-Tartu: s.n., 1972.
2. Eesti NSV kriminaalkodeks: Kommenteeritud väljaanne / Koost. Rebane I. - Parand. ja täiend. trükk.-Tln.: Eesti Raamat, 1980.
3. Eesti NSV tsiviilkodeks: Kommenteeritud väljaanne/Vast. toim. Ananjeva J., Kask P., Laasik R.-Tln.: Eesti Raamat, 1969.
4. Laasik R. Nõukogude tsiviilõigus: Eriosa.-Tln.: Valgus, 1975.
5. Rebane I. Kuriteost osavõtt ja kuriteoga puutumus: Nõukogude kriminaalõigus: Üldosa: Opetus kuriteost. III osa. 2 vihik.-Tartu: S.n., 1983.
6. Адоян Ю. Гражданский иск в уголовном процессе как средство охраны социалистического имущества от последствий преступных посягательств. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, Тарту, 1975, вып. 364.
7. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. - М.: Юр. лит., 1959.
8. Лаасик Э.Я. К вопросу возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда. - В кн.: Труды по правоведению IX: ТГУ/Тарту: Б.и., 1969.
9. Советское уголовное право:Общая часть./Под ред.Меньшагина В.Д., Дурманова Н.Д., Кригера Г.А., Кудрявцева В.Н. - М.: Изд-во МГУ, 1974.
10. Флейшиц Е. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения: Курс советского гражданского права. - М.: Госюриздат, 1951.
11. Эффективнее искоренять растраты и хищения. - Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 3.

Kohtupraktika

12. NSV Liidu Ülemkohtu 51. pleenumi määrus 21. juulist 1935.a. "Süüdimõistetute solidaarsest vastutusest tekitatud ainelise kahju eest". - NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi keh-

- tivate määruste kogu 1924 - 1951. a.-Tln.: Eesti Riiklik Kirjastus, 1953.
13. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 3. juuli 1963. a. määrus nr. 10 "Kohtupraktikast tsiviilasjades liigselt väljamakstud riiklike pensionisummade sissenõudmise kohta." - NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi ja Eesti NSV Ülemkohtu pleenumi määruste valikkogu 1960 - 1976.-Tln.: Eesti Raamat, 1977.
 14. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 23. märtsi 1979. a. määrus nr. 1 "Kuriteoga tekitatud materiaalse kahju hüvitamise kohta käiva seadusandluse kohaldamise kohtupraktikast." - Nõukogude Õigus, 1979, nr. 3.
 15. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 23. septembri 1977. a. määrus nr. 15 "Töölise ja teenistujate materiaalsest vastutusest ettevõttele, asutusele või organisatsioonile tekitatud kahju eest reguleeriva seadusandluse kohaldamisest kohtuis." - Nõukogude Õigus, 1978, nr. 1.
 16. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 9. juuli 1982. a. määrus nr. 6 "NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 3. detsembri 1976. a. määruse nr. 16 "Alaealiste kuritegude ja nende kuritegelikule või muule ühiskonnastasele tegevusele kaasatõmbamise asjade kohta käiva seadusandluse kohaldamise praktikast kohtuis" täiendamisest". - Nõukogude Õigus, 1982, nr. 5.
 17. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. № 6 "О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением". - В сб.: Постановления пленума Верховного Суда СССР 1924-1970.- М.: Известия СДТ СССР, 1970.
 18. Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 января 1972 г. Дело Левако М.П. - В сб.: Постановления пленума и определения коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам 1971-1979.- М.: Известия СДТ СССР, 1981, с. 835.

О ПРОБЛЕМАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ю. Адоян

Р е з ю м е

Материально-правовые основания возмещения ущерба, причиненного преступлением, определяются в уголовном процессе нормами гражданского права. В соответствии со ст. 459 ГК ЭССР лица, совместно причинившие вред (ущерб), несут солидарную ответственность перед потерпевшим. Кредитор вправе требовать возмещения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, как полностью, так и в части долга (ст. 188, ч. I ГК ЭССР). При установлении солидарной ответственности в гражданском процессе причинение вреда действием или бездействием и форма вины лиц, причинивших вред, определенного значения не имеют. Важно установить совместное причинение вреда, наличие причинной связи между деянием всех причинителей вреда и причиненным ими результатом.

В уголовном же процессе в соответствии со ст. 17 УК ЭССР солидарная ответственность может наступить лишь в случае совместного причинения материального ущерба соучастниками преступления. Это означает, что лица, причинившие ущерб, действовали умышленно. В результате бездействия солидарная ответственность в уголовном процессе может наступить в случае, когда причинению ущерба содействовало умышленное невыполнение соучастниками преступления определенной юридической обязанности.

Малозначительное деяние, не представляющее общественной опасности, не является, в силу ст. 7, ч. 2 УК ЭССР, преступлением и влечет за собой прекращение уголовного дела. В уголовном процессе не всегда несут солидарную ответственность также лица, совершившие преступление, не представляющее большой общественной опасности. В отношении них уголовное дело может быть прекращено с применением мер общественного воздействия или административного наказания (статьи 5²; 6; 7; 8 УПК ЭССР и статьи 49^I; 50; 51; 51^I УК ЭССР). Суд разъясняет гражданскому истцу право предъявить в порядке гражданского судопроизводства к лицам, в отношении которых дело было прекращено, иск о возмещении ущерба солидарно с осужденным.

Автор не согласен с указаниями, данными в постановлении

№ I пленума Верховного Суда от 23 марта 1979 г. "О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением". По этим указаниям, судам предоставляется право по своей инициативе на подсудимых, совместными действиями которых причинен ущерб, возлагать долевую, а не солидарную ответственность, если такой порядок взыскания соответствует интересам истца и обеспечит возмещение ущерба.

Эти указания ограничивают самостоятельность истца и ответчика, не могут обеспечить более эффективного возмещения ущерба, чем солидарное и при всем этом не соответствуют закону (статьи 35, ч.2; 37, ч.2; 41, ч.2; 43, ч.2 УПК ЭССР и статьи 14; 30; 100-103; 105-108; 314 ГПК ЭССР).

С о д е р ж а н и е

<u>И.А.Ребане.</u> О соучастии на стадии предварительной преступной деятельности	3
<u>У.Джумус.</u> Некоторые вопросы квалификации соучастия в преступлении	17
<u>Я.О.Гинтер.</u> К вопросу об общественной опасности личности несовершеннолетних, совершивших преступления в группе и в одиночку	35
<u>J.Sootak.</u> Osavõtt sotsialistliku vara riisumisest	42
<u>Я.Соотак.</u> Соучастие в хищении социалистического имущества. Резюме	61
<u>H.Tõnismägi.</u> Vägistamisest osavõtu küsimusi (Eesti NSV kohtupraktika alusel)	62
<u>Х.Тынисмяги.</u> Вопросы соучастия в изнасиловании (по материалам судебной практики Эстонской ССР). Резюме	65
<u>J.Adojaan.</u> Kuriteost osavõtjate materiaalse vastutuse probleemid kriminaalprotsessis	66
<u>Ю.Адоян.</u> О проблемах материальной ответственности соучастников в преступлении в уголовном процессе. Резюме	77